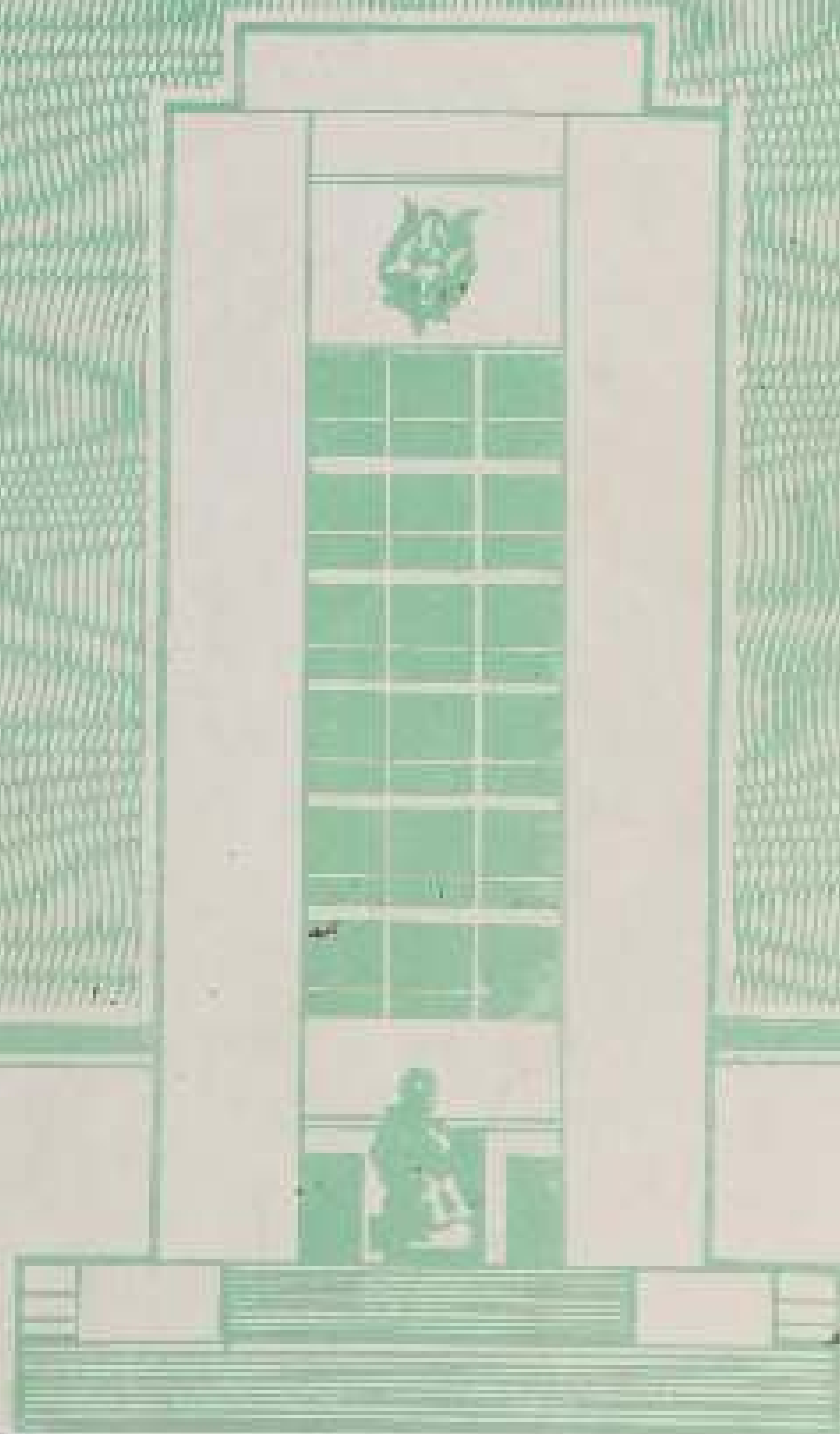

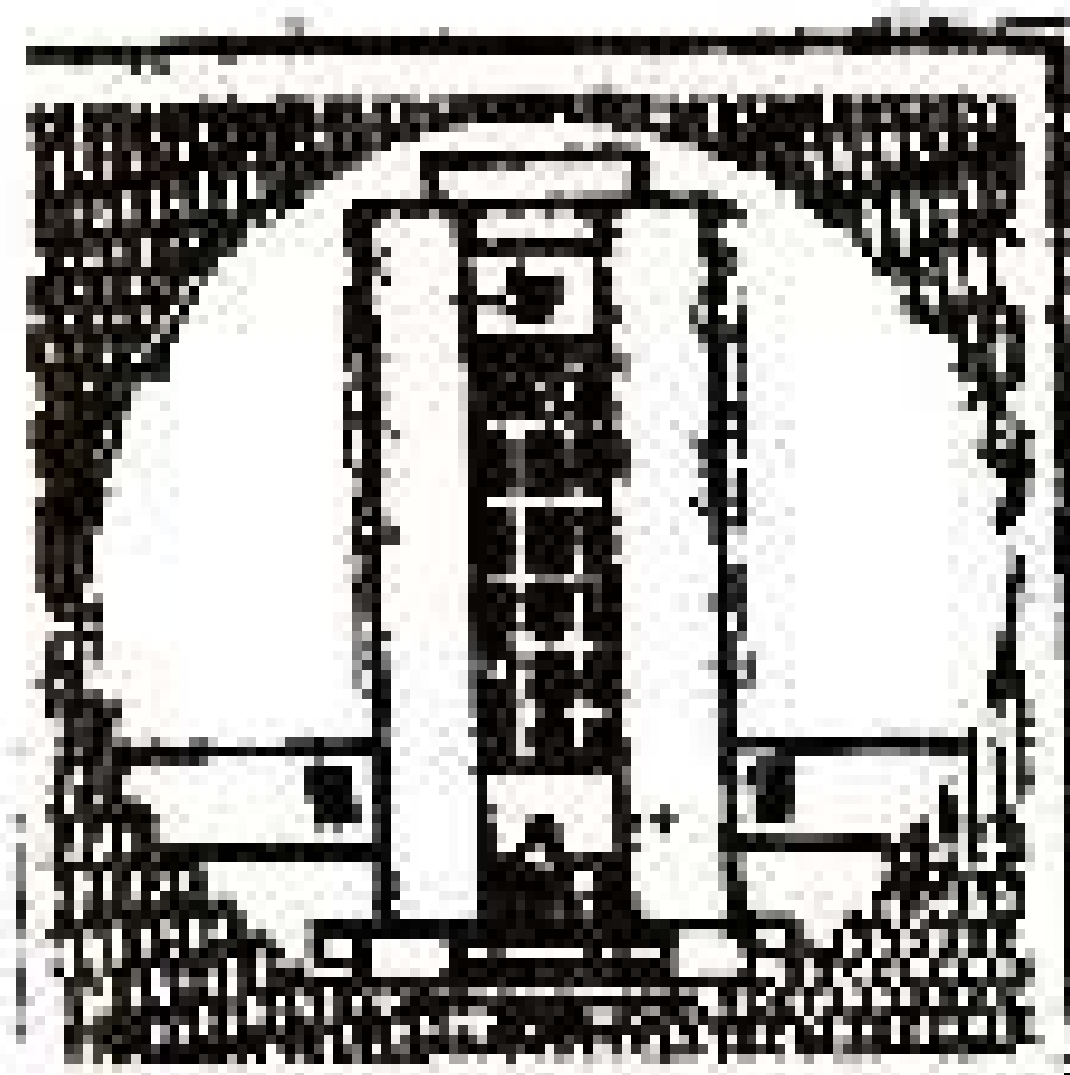
ISSN 0236—2910

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2
1993

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1993

2

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Мордовский университет

Основан в январе 1990 г.
Выходит один раз в квартал

СОДЕРЖАНИЕ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Экономика

Макарий Н. П., Файзуллина Л. Я. Перспективы автоматизации управленческого труда 3

Чалухин А. Н. Проблемы перестройки хозяйствования в Мордовской ССР 6

История

Мокшина Е. Н. Динамика численности мордовского народа 10

Шкунов В. Н. Карсунская Троицкая ярмарка в конце XVIII — начале XIX века (По архивным материалам Государственного архива Ульяновской области) 13

Филология

Узойкин А. И. Развитие речемышления как предпосылки способности к обучению 16

Арискин Н. И. Социальный аспект функционирования мордовских языков 20

Кильдюшова М. А. Путь к духовному возрождению (О проблеме сохранения русского фольклора Мордовии) 23

Правоведение

Калникина Л. Д. К вопросу об организации судебной власти в условиях ее реформирования 26

Бурдина Е. В. Принципы организации арбитражных судов в Российской Федерации 29

Философия

Иткин С. М. Общественные процессы и социальный статус современного православия 32

Мальченкова В. А. Философия любви М. М. Бахтина 36

Педагогика

Мешков Н. И. Динамика становления учебно-профессиональной мотивации в процессе подготовки учительских кадров 40

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Медицина

Ликсин И. Н., Бякин С. П., Киселева Р. Е., Романов М. Д., Карпушкина П. И. Актуальные проблемы применения фотомодификации крови в хирургии 43

Шелестюк П. И., Фролов А. Ф., Бегулов И. В., Миронов Э. Н., Мельцаев Г. Г. Экологическая обстановка и заболеваемость злокачественными опухолями населения МССР 46

Беляев А. Н., Рязанцев Е. В., Усанова А. А., Таратынов И. Б., Кучеренко Ю. М. Патогенез острой почечной недостаточности при шокогенной комбинирован- ной травме в эксперименте	49
Пешев Л. П., Боликова Е. В., Ельчева С. В. Лазерная модуляция иммунитета при воспалительных процессах гениталий у женщин	53
Сельское хозяйство	
Каргин И. Ф., Кокорев В. А. О концепции государственной политики в сель- ском хозяйстве (Исторический аспект)	56
ХРОНИКА, РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ	
Васильев Н. Л. По страницам отечественной бахтинианы (Обзор)	63

Редакционная коллегия:

Главный редактор Н. П. Макаркин

Атясов Н. И., Балашов В. А., Бусарова Р. Н. (ответственный секретарь),
Вантюсов Ю. А., Воскресенский Е. В., Гридин А. Е., Доленко Д. В.,
Илев В. И., Кокорев В. А., Лапшин С. А., Макушкин В. М., Ма-
лый А. Ф., Мишанин Ю. А. (заместитель главного редактора), Мок-
шин Н. Ф., Нестеров С. А., Ревин В. В., Савин Н. С., Селяев В. П.,
Сухарев А. И., Шичкин П. В., Цыганкин Д. В.

Адрес редакции: 430000, Саранск, ул. Большевикская, 68.

Сдано в набор 11.05.93. Подписано в печать 10.06.93. Формат 70x100 1/16.
Бум. типографская. Печать высокая. Усл. п. л. 5,16. Уч.-изд. л. 5,0. Усл. кр.-отт. 5,48.
Тираж 1 000 экз. Заказ № 419.

Типография Издательства Мордовского университета,
430000, Саранск, ул. Советская, 24.

© Мордовский государственный
университет, 1993

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Экономика

ПЕРСПЕКТИВЫ АВТОМАТИЗАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ТРУДА

Н. П. МАКАРКИН, доктор экономических наук;
Л. Я. ФАЙЗУЛЛИНА, старший преподаватель

Проблема повышения производительности управленческого труда привела к необходимости совершенствования технологии автоматизации организационно-экономического управления. В настоящее время активно развивается и внедряется новая информационная технология, которая позволяет автоматизировать труд каждого работника, предоставляя в его распоряжение современные средства вычислительной техники и связи. В данном случае речь идет о создании автоматизированных рабочих мест (АРМ) управленческих работников на базе персональных ЭВМ (ПЭВМ). В комплекс АРМ кроме ПЭВМ и необходимого набора периферийного оборудования включается специальное и прикладное программное обеспечение для решения проблемно-ориентированных задач пользователя, а также локальный информационный фонд в виде базы данных. С внедрением АРМ получает распространение децентрализованная форма обработки информации, которая позволяет значительно повысить производительность труда управленческих работников.

Анализ и обобщение литературных источников по вопросам использования АРМ в процессах организационного управления [1 — 5] показывают, что на современном этапе можно выделить четыре основных направления, соответствующих их функциональному назначению:

1) АРМ специалиста-экономиста;

2) АРМ конструктора-проектировщика;

3) АРМ специалиста по управлению, т. е. руководителя;

4) АРМ проведения научно-исследовательской деятельности.

В настоящее время, судя по литературным источникам, наиболее исследованным и обеспеченным технически и программно является АРМ специалиста-экономиста. В этой области больше чем в какой-либо другой имеется опыт создания и работы функционально-специализированных систем на базе АРМ с использованием мини- и микро-ЭВМ. Основные методы создания систем обработки экономической информации и организации бухгалтерского учета и анализа хозяйственной деятельности в условиях АРМ описаны в [1, 3, 4]. Одной из основных ЭВМ, используемых в этой области, является серийно выпускаемая отечественной промышленностью микро-ЭВМ типа «Искра-226». Для нее разработан ряд систем, ориентированных на решение задач бухгалтерского учета и планирования. К ним относятся такие системы, как «Нива», «Проект», «Сопи», «Дисота», которые предназначены для решения задач прямых плановых расчетов. Для микро-ЭВМ типа «Искра-555», «Нева-501» разработан комплекс типовых проектных решений по бухгалтерскому учету, включающий в себя задачи учета труда и заработной платы, материалов, финансово-расчетных операций и др., на языке ЯМБ.

В Московском экономико-статистическом институте созданы АРМ для статистической обработки экономической информации и несколько типов АРМ бухгалтера.

В КИВЦ Орловского управления строительства создано автоматизированное рабочее место специалиста-плановика, которое позволяет организовать работу со сметами на объекты строительства. В качестве технической основы АРМ используется микро-ЭВМ «Искра-226».

При помощи универсальной системы программного обеспечения для обработки деловой информации «Экономика», реализованной на серийной отечественной микро-ЭВМ СМ 1800, созданы АРМ бухгалтера, АРМ плановика.

В Воронеже создан вычислительный центр коллективного пользования нового типа, главной особенностью которого является широкое использование автоматизированных рабочих мест (бухгалтера, статиста, планового и финансового работника), включенных в локальную сеть сбора, обработки, хранения и передачи данных («Электроника МС 1211»).

На Торьковском швейном производственном объединении «Маяк» для учета материалов в подготовительно-раскройном производстве используется АРМ кладовщиков и бухгалтеров на базе электронно-бухгалтерского терминала типа «Нева-501» в комплексе с ЭВМ «Искра-555».

В последнее время для организации подобного рода систем широко используются отечественные ПЭВМ семейства «Искра-1030/1130» и ЕС-1840/1845, а также компьютеры типа IBM PC/XT, AT.

Создание АРМ руководителя в плане выполнения им функций по руководству и управлению подчиненным ему подразделением целесообразно лишь при существовании системы информационного обслуживания, включающей АРМ его подчиненных. Это объясняется тем, что большинство видов деятельности руководителя связано с анализом информации, которая

традиционно поступает «снизу вверх», начиная от рядовых исполнителей.

Несмотря на появившиеся возможности в применении вычислительной техники для обслуживания процесса подготовки и принятия управленческих решений работа продвигается очень медленно. Это объясняется тем, что данная сфера применения ЭВМ значительно отличается от традиционных способов обработки данных. Необходимо расширение творческих возможностей руководителей на основе диалоговой работы с базами данных и использования всего накопленного информационного материала для генерирования новых идей, способствующих повышению эффективности производства.

Сопоставление перечня функций руководства и содержания этих функций с перечнем автоматизированных задач в существующих АСУ позволяет оценить достигнутый уровень автоматизации процессов информационного обеспечения руководства. Состояние существующих и разрабатываемых АСУ характеризуется обеспеченностью двух-трех функций руководства — планирования, частично управления (представления руководителю информации об отклонениях в ходе выполнения плана) и контроля за исполнением поручений [5].

Таким образом, функции руководства пока мало исследованы с точки зрения обеспечения их информацией.

Попытки внедрения автоматизации управления на высших, стратегических уровнях сопровождаются большими трудностями. Функции управления и самостоятельного принятия решений остаются за человеком. Но сбор, хранение, обработка и передача информации являются той областью, в которой АРМ может оказать руководителям существенную помощь. Причем в отличие от специалистов, принимающих участие в подготовке управленческих решений, руководителям нужны производительные и эффективные средства обмена информацией и ее анализа.

Существующие разработки в обла-

сти персональных ЭВМ, АРМ, интегрированных АРМ и других процессов сбора, обработки и поиска информации не затрагивают технологию подготовки решения для высших руководителей. Для этих целей используются в основном информационно-поисковые системы, с помощью которых специалисты различных подразделений управления решают свои задачи. К ним относятся системы «Контроль исполнения», «Кадры», различные информационно-справочные системы, электронные календари, электронные записные книжки, текстовые редакторы, сетевые средства и т. д.

Например, при помощи уже упомянутой СПО «Экономика» в Генеральной дирекции ВАЗа реализованы системы контроля исполнения, т. е. АРМ куратора. В целом ряде различных организаций функционируют АРМ снабженца и АРМ кадровика.

Системой Минводхоза и рядом других организаций эксплуатируется разработанный в ГИВЦ РСФСР пакет прикладных программ «Статус» («Искра-226»). Данная система позволяет решать широкий круг задач организационно-управленческой деятельности:

- проведение планово-экономических расчетов;
- контроль выполнения заданий;
- формирование табличных материалов;
- справочно-поисковые функции;
- подготовка и редактирование текстов;
- построение графиков и рисунков.

Система «Статус» ориентирована на пользователей различного ранга — от операторов ЭВМ до руководящих работников.

За рубежом наряду с традиционными системами информационного обеспечения руководителя создаются системы обеспечения принятия решений (СОПР) (различного типа экспертные системы), суть концепции которых заключается в перенесении основного акцента с информационных и формально-логических аспектов управления на собственно процесс принятия решений.

В СОПР решение любой проблемы ищется в результате ее оценки, получаемой с помощью модели, являющейся наибольшим приближением к конкретной ситуации. Эти системы предполагают широкое использование самых различных экономико-математических моделей вплоть до создания особого банка моделей, с которым будет работать каждый руководитель, пользующийся СОПР.

СОПР рассматривается лишь как один из видов применения ЭВМ в управлении наравне с другими автоматизированными системами. По мнению американских специалистов, неотъемлемой частью офиса будущего должны стать автоматизированные рабочие места как руководителей, так и специалистов [2].

На базе информационно-поисковых систем (ИПС) строятся также системы обеспечения НИР и ОКР. Научно-техническая информация (внутренняя и внешняя) включает научную, техническую, конструкторскую, патентную, рекламную информацию и имеет большое значение в управленческой деятельности. Ее анализ позволяет получать данные о новых достижениях в той или иной области, следить за тенденциями развития определенных видов техники или области знаний в разных странах. Подобные системы широко распространены для больших ЭВМ (ряда ЕС). Реализация данных ИПС на ПЭВМ связана с такими проблемами, как небольшая внешняя память и скорость поиска необходимой информации.

Примером ИПС на микро-ЭВМ служит пакет ДИАЛОГ-М, предназначенный для реализации персональной документально-фактографической ИПС. Эта система обеспечивает режимы создания базы данных (путем ручного ввода документов или в режиме «откачки» из больших информационных систем), поиска, отбора и просмотра документов, а также широкие возможности преобразования и распечатки результатов поиска, в том числе в виде таблиц произвольной структуры. Данный пакет может применяться в си-

стемах административного управления для автоматизации обработки структурированной документальной информа-

ции, в системе обработки научно-технической информации и т. д.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гершенгорин А. Т. Что такое АРМ бухгалтера. М.: Финансы и статистика, 1988. 95 с.
2. Кочетков Г. Б. Автоматизация конторского труда в США (теория и практика «офиса будущего»). М.: Наука, 1985. 434 с.
3. Полковский Л. М. Автоматизация учета на базе персональных ЭВМ. М.: Финансы и статистика, 1991. 192 с.
4. Севрук М. А. АРМ экономиста-аналитика

промышленного предприятия на базе персональных ЭВМ. М.: Финансы и статистика, 1991. 191 с.

5. Шишкова Г. А., Козлов А. В. Проблемы использования автоматизированных рабочих мест в организационном управлении // Опыт разработки АРМ служащего / МГИАИ. М., 1985. С. 127 — 135.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕСТРОЙКИ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В МОРДОВСКОЙ ССР

А. Н. ЧАЛУХИН, кандидат экономических наук

Становление рыночной экономики меняет подходы к принципам развития производительных сил в Мордовской ССР, экономические отношения с регионами страны. Если в условиях плановой экономики эквивалентный обмен стоимостями между республиками был нарушен, то при рыночной экономике Мордовия может купить товаров в других регионах на сумму, какую получит от продажи своей продукции.

В связи с этим встает задача повышения эффективности межрегионального обмена продукцией. Ее решение во многом зависит от эффективной и качественной работы отраслей народного хозяйства, от их соответствия природным и экономическим условиям территории.

Мордовская ССР бедна минерально-сырьевыми и топливно-энергетическими ресурсами, что требует их закупки в других регионах страны. Поэтому производимая в отраслях народного хозяйства продукция не должна быть металло- и топливоземкой, иначе она обеспечит мало прибыли.

Следует отметить, что созданные в республике товарно-сырьевая биржа,

коммерческо-посредническая компания «Мордовресурсы» при заключении различного рода сделок по продаже и покупке материальных ценностей не учитывают затраты труда на производство и транспортировку товаров. Выгода у них и так большая, так как цены (в силу дефицита товаров) значительно превышают производственные и транспортные издержки. Ценовые отношения из-за отсутствия в народном хозяйстве взаимной ответственности партнеров, дисциплины создали благоприятную среду для экономического жульничества. Поэтому происходят падение ценности денег, рост цен на материальные блага. Это отрицательно влияет на качество и эффективность развития отраслей народного хозяйства.

Думается, для исправления положения следует разработать республиканский межотраслевой баланс производства и распределения продукции с приложением к нему финансовых показателей. Материалы баланса послужат действенным средством для выработки экономической политики по оценке живого и овеществленного труда в со-

закупной стоимости товарной массы, распределению денежных средств в народном хозяйстве, определению номенклатуры товаров для обмена на продукцию других регионов.

В настоящее время основными отраслями хозяйства МССР, участвующими в межреспубликанском обмене продукцией, являются машиностроение и металлообработка (производство светотехнических, электротехнических изделий, приборов, экскаваторов, автомашин и т.д.), пищевая и легкая, химическая и нефтехимическая промышленность, производство цемента. Перечисленные отрасли являются основой современного хозяйственного комплекса. Заметную роль в хозяйстве играет промышленность строительных материалов, лесная и деревообрабатывающая, но продукция этих отраслей за пределы республики вывозится мало.

Динамика отраслевой структуры и вывоза продукции за последние 30 лет свидетельствует, что удельный вес продукции легкой, пищевой промышленности в общем объеме производства и в межреспубликанском обмене уменьшается, а машиностроения и металлообработки, химической и нефтехимической отраслей — увеличивается.

Слабо развивается электроэнергетика. Ее удельный вес имеет тенденцию к снижению, хотя республика экспортирует более половины от общего объема потребляемой электроэнергии. В настоящее время на страницах республиканских газет идет дискуссия по вопросу о том, что строить в Мордовии: атомную станцию или ГРЭС. По нашим ориентировочным расчетам, при мощности станций 1 млн кВт себестоимость 1 кВт ч электроэнергии, вырабатываемой на атомной станции, будет на 20 % меньше, чем на ГРЭС. Поэтому с точки зрения экономической выгоды целесообразнее разместить в республике АЭС.

За последние два года из-за нарушения экономических связей, дефицита материальных ресурсов, неэффективности финансовой системы дефор-

мировалась структура народного хозяйства, особенно отраслей машиностроения и металлообработки, АПК, жилищного и дорожного строительства. Так, в 1992 г. по сравнению с 1991 г. объем производства продукции машиностроения и металлообработки уменьшился на 22,4 %, мяса — на 16,0, масла животного — на 25,8 %, жилищное строительство сократилось на 49,0 %.

Снижение объемов производства отрицательно повлияло не только на обеспечение населения необходимыми благами, но и на состояние и развитие финансовых связей с другими регионами в результате резкого удорожания материально-технических средств, топливно-энергетических ресурсов. Так, по данным на 1 декабря 1992 г., 55 % промышленных предприятий МССР имели просроченную задолженность по оплате товаров, полученных от других предприятий. Неплатежеспособность привела к перебоям в материально-техническом обеспечении. Следует отметить, что рост прибыли в 1992 г. во всех отраслях народного хозяйства был обеспечен не за счет снижения издержек производства, а за счет роста цен.

Эффективность производства падает не только от обесценения денег, но и от характера самой экономической системы, существующих экономических отношений. Они, как показывает практика, нуждаются в совершенствовании, изменении. Так, в современных условиях требуется иначе оценивать и распределять вновь созданную стоимость в отраслях народного хозяйства (заработную плату, прибыль) на уровне рабочего, предприятия и общества в целом, между производственными и непроизводственными отраслями. Как известно, работники своим трудом создают стоимость, часть которой в виде заработной платы идет им; а другая часть в виде прибыли — предприятию и на общественные нужды. Если неправильно распределяется прибыль и определенная ее доля не возвращается предприятию, работникам в виде

квартир, школ, больниц и т. д., то у них падает интерес производить ее. Поэтому большую часть прибыли следует возвращать тем, кто ее создает.

Требуется упорядочить налоговую политику по отраслям народного хозяйства и номенклатуре производимой продукции с целью стимулирования роста производства и производительности общественного труда. В настоящее время предприятия не заинтересованы в развитии производства, так как чем больше они реализуют продукции и получают доходов, тем больше сумма налогов.

Установление эффективных производственных отношений между предприятиями, отраслями зависит от ценообразования. Сейчас ценообразование, отталкивающееся от издержек производства, предполагает, что помимо них учитываются затраты на обслуживание, накладные расходы, прибыль. Все эти элементы, формирующие цену, должны находиться в определенных отношениях, стимулирующих сокращение производственных и других затрат. Анализ показывает, что в современных условиях цены по многим товарам перестали не только отражать общественно необходимые затраты труда, но и стимулировать научно-технический прогресс, обновление производства. Почему? А потому, что в них для современного уровня развития производительных сил очень велика доля прибавочной стоимости, которая обесценена, не имеет соответствующего ресурсного обеспечения. Это происходит потому, что цены диктуют не товаропроизводители, а посредники и продавцы. Так, закупочная цена молока в 1992 г. составляла 3 руб., а розничная — 12. Искусственное повышение цен перекупщиками отрицательно влияет на формирование эффективных товарно-денежных отношений.

Сравнивая стоимостную структуру некоторых видов товаров, произведенных в 1991 и 1992 гг., можно сделать вывод: прибавочная стоимость, содержащаяся в товаре, плохо стимулирует воспроизводственный процесс. Так, на

заводе «Электровыпрямитель» полупроводниковый преобразователь мощностью 5 кВт и выше в 1991 г. содержал прибавочной стоимости 3,6 тыс. руб., на которую можно было бы приобрести, например, алюминия более 160 кг, а в 1992 г. этот же прибор имел прибавочную стоимость 90 тыс. руб., но купить этого металла можно было уже менее 100 кг.

При непрерывном росте цен становится невыгодным вкладывать средства в производство. Это можно проиллюстрировать на примере так называемых малых предприятий. Некоторые из них в 1992 г. переключились с производственной деятельности на посредническую-коммерческую, получая значительно больше прибыли, чем от производства. В связи с этим в отраслях народного хозяйства идет процесс торможения производственных процессов.

Формирующийся рыночный механизм плохо стимулирует производство наиболее эффективных и качественных изделий, обновление материально-технической базы предприятий. Целесообразно сейчас начать рационализацию технологической базы отраслей народного хозяйства. Внедрение безотходных, ресурсосберегающих технологий позволит снизить потребление материалов, топлива в расчете на единицу производимой продукции. Это будет способствовать снижению стоимости товаров и цен на них. Однако в настоящее время решить данную задачу практически невозможно. Административно-командные рычаги сломаны, а экономические не действенны. На наш взгляд, без четкого государственного регулирования развития отраслевой структуры, без установления приоритетов прогрессивным производствам можно привести народное хозяйство к тяжелым экономическим последствиям.

В сложившихся условиях необходим народнохозяйственный план. Без него, как показывает практика, затруднено управление взаимосвязанными экономическими процессами. Например, ослабевает зависимость оплаты труда от

конечных результатов работы. С 1990 г. заработная плата в Мордовии растет при сокращении объемов производства. Так, в январе — сентябре 1992 г. при снижении выпуска продукции по сравнению с соответствующим периодом прошлого года на 20,5 % фонд оплаты труда вырос более чем в 7,9 раза.

В настоящее время рост заработной платы происходит в основном за счет роста цен. Это можно видеть из соотношения индекса оплаты труда и цен. Так, в 1992 г. индекс роста заработной платы к предыдущему году составил 8,5 раза, а индекс роста оптовых цен — 11,2 раза. На 1 руб. заработной платы с каждым годом все меньше приходится товарной массы. С точки зрения развития отраслевой структуры народного хозяйства этот процесс нежелательный, потому что заработная плата не стимулирует развитие производства, не позволяет осуществлять контроль за мерой труда. Интересы гармоничного развития отраслевой структуры требуют, чтобы рыночные механизмы оплаты труда устанавливались исходя из конечных результатов, а Госкомитету по экономике МССР совместно с заинтересованными организациями следует разработать для отраслей и в целом по республике долговременные нормативы заработной платы на 1 руб. товарной продукции. Это позволит поддерживать строгое равновесие между количеством денег у покупателя и массой товаров.

Сдерживают, снижают эффективность отраслевой структуры хозяйства нерациональные экономические связи Мордовии с другими регионами страны. Кроме того, уменьшаются объемы потоков грузов, что отрицательно влияет на воспроизводство материаль-

ных благ. В 1992 г. из-за отсутствия сырья снизился выпуск шерстяных тканей по сравнению с 1991 г. на 22,9 %, трикотажных изделий — на 48,0 %. Следует сказать, что предприятия республики недостаточно занимаются вопросами увеличения производства местного сырья. Статистические данные показывают, что в Мордовию из других регионов относительно много поступает лесных грузов (243 тыс. т), минеральных строительных материалов (6054 тыс. т), зерна и продуктов перемола (526 тыс. т). Ввоз значительного числа товаров можно сократить за счет увеличения производства их в республике. Хотя надо подчеркнуть, что не следует стремиться насытить рынок только товарами местного производства. Все должно определяться экономической целесообразностью.

В связи с суверенизацией республик, краев, областей, введением национальных валют в бывших союзных республиках возникла проблема с их конвертируемостью, с поиском и установлением эффективных межрегиональных связей.

Анализ материалов Госкомитета МССР по внешнеэкономическим связям показывает: соглашения между республиками, краями, областями по ввозу продукции, заключенные в 1992 г., не учитывают в полной мере их народнохозяйственную эффективность, развитие научно-технического прогресса. Обмен результатами деятельности между предприятиями слабо увязывается с транспортным фактором. В связи с этим, на наш взгляд, должен быть создан орган управления в масштабе страны, который с учетом общественных интересов координировал бы взаимосвязи между отраслями внутри России.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ МОРДОВСКОГО НАРОДА

Е. Н. МОКШИНА, аспирант

Мордва — один из древних автохтонных народов Восточной Европы, этногенез которого происходил в междуречье Волги и Оки. Этническая история этого народа насчитывает около двух тысячелетий. Территория его расселения не всегда была одинаковой, на протяжении истории она подвергалась изменениям, что зависело не только от внутренних, но и от внешних факторов, в ряду которых немаловажное значение имели великое переселение народов, происходившее в первой половине I тыс. н. э., вторжение булгар в Среднее Поволжье во второй половине I тыс. н. э., монголо-татарское нашествие, казанско-ханский гнет и присоединение мордвы к Российскому государству.

Территория, которую мордва занимала в начале II тыс. н. э., составляла примерно 90 тыс. км². Определяя численность населения Восточной Европы к этому времени, Б. Ц. Урланис [12] сделал предположение, что его плотность в Среднем Поволжье в то время, исходя из характера хозяйственной деятельности (земледелие подсечного типа в сочетании с лесными промыслами), едва ли превышала 0,7 чел. на 1 км². Принимая данный показатель и для этнической территории мордвы, В. И. Козлов определяет ее общую численность в XI в. в 60—70 тыс. чел. [4, с. 9].

Мордовское население неодинаково плотно размещалось по этнической территории, сосредоточиваясь, как правило, в наиболее благоприятных для ведения земледельческого и скотоводческого хозяйства местах: в доли-

нах рек Волго-Охского бассейна и на открытых пространствах, расположенных в глубине лесов. Характерные типы мордовской селитбы в это время — села, погосты, зимницы и тверди. Первые три типа поселений не имели укреплений, тверди же сооружались в лесах в виде крепостей, укрывавших людей в случае опасности [5].

Динамика численности любого народа, как известно, зависит от воздействия нескольких факторов, в ряду которых наиболее важное значение имеют естественное движение (рождаемость и смертность), механическое движение (миграции) и этнические процессы (ассимиляция, консолидация и др.). Разумеется, на этот показатель влияют и другие факторы, связанные с особенностями культуры и быта этноса, его вероисповедания, истории, этнопсихологии.

По данным В. И. Козлова, в конце XVI века мордвы насчитывалось около 150 тыс. чел. [4, с. 19]. Абсолютная численность с 1762 по 1795 г. (по материалам ревизий XVIII в.) выросла на 55,6 % (с 222 до 346 тыс.) [2, с. 233]. Ассимиляция мордвы в это время протекала крайне медленно и касалась в основном князей и мурз — представителей господствующего класса, которые, крестившись, вливались в ряды российских феодалов.

К 1834 г. численность мордвы в Европейской России, по данным, собранным и обработанным академиком П. И. Кеппеном [3], возросла до 480 241 чел. Учитывая, что мордва к этому времени начала заселять азиатскую часть России и Закавказье, ее

общая численность была несколько больше. По сведениям на 1859 г., опубликованным в погубернских списках населенных мест, этот показатель составлял 650 — 680 тыс. чел.

В 1897 г. была проведена первая всеобщая однодневная перепись населения Российской империи, по которой численность мордвы составила 1024 тыс. чел. Наиболее крупные ее массивы сосредоточивались на территории Самарской (239 тыс.), Симбирской (189 тыс.), Пензенской (188 тыс.), Саратовской (124 тыс.), Тамбовской (90 тыс.), Нижегородской (53 тыс.), Оренбургской (38 тыс.), Уфимской (37 тыс.), Казанской (22 тыс.), Томской (15 тыс.) губерний [9, с. 172].

Уже в XVIII в. мордва не только была расселена на значительной территории, но и принимала большое участие вместе с другими народами России в заселении и хозяйственном освоении земель в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье. Проживала она, как правило, не изолированно, а чересполосно с другими народами и лишь в немногих местах Европейской России компактно заселяла значительные территориальные массивы. Не было ни одного уезда, где бы она составляла большинство населения [2].

Изучение динамики численности мордовского народа в Российской империи, проведенное нами, показывает, что нельзя считать верными высказывания ряда авторов о том, что мордва в условиях царизма была обречена на вымирание [7]. Хотя и имелись некоторые факторы, отрицательно сказывавшиеся на росте ее численности, тем не менее она постоянно возрастала. И прогнозы некоторых дореволюционных авторов о поглощении мордовского этноса русским, его исчезновении в ближайшем будущем не были обоснованными. Правда, темпы прироста мордвы в XIX в. стали отставать от темпов прироста соседних народов. Так, за период с 1897 по 1920 г. численность чуваш увеличилась на 25 %, а мордвы — лишь на 14. Эти цифры, видимо, не характеризуют реальное

положение дел, ибо значительная часть мордвы показывала себя русскими. На динамике ее численности, особенно в последние два столетия, все больше стали отражаться ассимиляционные процессы. По подсчетам, сделанным С. И. Бруком и В. М. Кабузаном, лишь в 60—90-х гг. XIX в. обрусело более 100 тыс. мордвы [1, с. 25].

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., численность мордвы в стране достигла 1340 тыс., а в 1939 г. — 1456 тыс. Последняя цифра — наивысший показатель абсолютной численности мордовского народа в Советском Союзе. Дальнейшие переписи стали фиксировать уменьшение этого показателя: 1959 г. — 1285 тыс., 1970 г. — 1236 тыс., 1979 г. — 1192 тыс., 1989 г. — 1154 тыс. [10; 11].

Главной причиной уменьшения численности мордвы является ее ассимиляция, выступающая преимущественно в форме обрусения. Данный процесс стимулируется существенным образом исторически сложившейся в условиях Российского государства дисперсностью расселения мордовского народа как этнического меньшинства среди русского большинства. Так, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в Российской Федерации мордва проживала в следующих регионах: в Мордовии — 313 420 чел., в Самарской области — 116 475, Пензенской — 86 370, Оренбургской — 68 879, Ульяновской — 61 061, Нижегородской — 36 709, в Башкирии — 31 923, в Москве — 30 916, в Татарии — 28 859, в Московской области — 28 328, Челябинской — 27 095, Саратовской — 23 381, в Чувашии — 18 686, в Свердловской области — 15 453, в Красноярском крае — 14 873, Кемеровской области — 13 894, Тюменской — 11 159, в Приморском крае — 9 193, в Рязанской области — 8 528, в Хабаровском крае — 8 193, в Ханты-Мансийском автономном округе — 7 107, в Иркутской области — 6 781, Сахалинской — 5 641, в Санкт-

Петербурге — 5 175, Владимирской области — 5 142, Волгоградской — 4 851, Ростовской — 4 657, Новосибирской — 4 418, Мурманской — 4 214, Республике Коми — 3 927, Калининградской области — 3 482, Ивановской — 3 386, Хакасии — 3 166, Якутии — 2 969, Томской области — 2 574, Амурской — 2 518, Камчатской — 2 356, Ямало-Ненецком автономном округе — 1 979, Тульской области — 1 777, Марийской республике — 1 749, Калужской области — 1 728, Курганской — 1 569, Магаданской — 1 364, Воронежской — 1 223 и т. д. [8].

Значительная часть мордвы в связи с распадом СССР оказалась на территории ряда стран СНГ (в Казахстане — 30 036 чел., на Украине — 19 332, в Узбекистане — 11 214, Таджикистане — 5 519, Кыргызстане — 3 813, Беларуси — 2 620, Туркменистане — 2 568, Молдове — 1 088, Латвии — 1 053 и т. д.) [11].

Современные этнодемографические процессы у мордвы характеризуются высокой миграционной подвижностью, быстрым ростом городского и уменьшением сельского населения, увеличением доли лиц пенсионного возраста. Мордовская республика стала регионом, где численность населения неуклонно уменьшается. Так, если в 1926 г. на ее территории проживало 1328 тыс. чел., из которых мордвы — 428 тыс., русских — 839 тыс., татар — 60 тыс., то в 1979 г. — 990 тыс., в том числе мордвы — 339 тыс., русских — 591 тыс., татар — 46 тыс., а в 1989 г. эти показатели составили соответственно 964 тыс., 313 тыс., 586 тыс. и 47 тыс.

Сравнительное изучение этнодемографических процессов у других народов Среднего Поволжья показывает, что их численность, хотя и в разной степени, продолжает возрастать. Что касается мордвы, то здесь ассимиляционные процессы зашли далеко, привели народ к серьезной деэтнизации, что негативно сказывается на процессе его национального возрождения. Немалую роль в ослаблении национального самосознания мордвы сыграли и те грубейшие искажения, деформации в области национальной политики, которые имелись в условиях тоталитарного режима, когда поощрялись тенденции к унитаризму, проводилась целенаправленная борьба за слияние наций в единый «советский народ».

Как показывают этнографические исследования, между процессом этнической ассимиляции и ростом этнического самосознания имеется обратно пропорциональная связь: чем интенсивнее протекает этническая ассимиляция народа, тем слабее его этническое самосознание, и наоборот, чем прочнее его этническое самосознание, тем меньше он поддается этнической ассимиляции. Отсюда можно сделать вывод, что если целенаправленно воздействовать на уменьшение чрезмерной ассимиляции, то это будет способствовать росту этнического самосознания, национальному возрождению народа [6]. Здоровое национальное самочувствие любого народа — важнейшее условие его нормального развития, этнического воспроизводства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Брук С. И., Кабузан В. М. Этнический состав населения России (1719 — 1917 гг.) // Советская этнография. 1980. № 6. С. 18 — 34.
2. Кабузан В. М. Народы России в 18 веке. Численность и этнический состав. М.: Наука, 1990. 256 с.
3. Кепкен П. И. Об этнографической карте Европейской России. СПб., 1852. 40 с.
4. Козлов В. И. Расселение мордвы // Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960. С. 5—62.
5. Мокшин Н. Ф. Мордовский этнос. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1989. 160 с.
6. Мокшин Н. Ф. Мордовский этнос: проблемы и суждения // Мордовский народ: что нас волнует. Саранск, 1991. С. 40 — 60.
7. Назаркин Н. Я. Народонаселение и охрана здоровья в Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1973. 264 с.
8. Национальный состав населения РСФСР

(по данным Всесоюзной переписи 1989 г.). М.: Финансы и статистика, 1990. 254 с.

9. Новый энциклопедический словарь. Пг., 1916. Т. 27. 960 с.

10. Современные этнические процессы в

СССР. М.: Наука, 1975. 544 с.

11. СССР в цифрах в 1989 году. М.: Финансы и статистика, 1990. 319 с.

12. Урландс Б. Ц. Рост населения в Европе. М.: Госполитиздат, 1941. 436 с.

КАРСУНСКАЯ ТРОИЦКАЯ ЯРМАРКА
В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА
(ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В. Н. ШКУНОВ, аспирант

XVIII век вошел в историю нашего Отечества как век торговли. Одной из его ярких особенностей был расцвет ярмарок. Именно ярмарка цементировала внутренний рынок Российской империи в единое целое, способствовала дальнейшему укреплению товарно-денежных отношений в стране, развитию экономических связей различных регионов друг с другом, а также расширению внешней торговли.

К числу крупнейших ярмарок России конца XVIII — начала XIX века относились поволжские: Макарьевская, Симбирская Сборная, Астраханская, Казанская Гостиная и др.

В этой статье нам хотелось бы рассказать о Карсунской Троицкой ярмарке — явлении, на наш взгляд, совершенно уникальном в экономической жизни государства.

Карсун — небольшой провинциальный уездный городок с населением чуть более 3 тыс. человек в конце XVIII века был местом проведения крупной ярмарки. Торг длился в течение 10 дней и приходился на середину июня — время празднования двенадцатого православного праздника — Троицы, отчего и сама ярмарка получила название Троицкой. Ее отличительной особенностью было то, что в маленький приволжский городок съезжались торговцы и покупатели со всей огромной страны. В торге участвовало более 250 купцов и свыше 10 тыс. по-

купателей и мелких торговцев. В Карсун на подводах привозили свой товар купцы из Симбирска, Рязани, Казани, Москвы, Астрахани, Арзамаса, Коломны, Пензы, Твери, Муромы, Ельца, Ряжска, Самары, Алатыря, Коврова, Нижнего Новгорода, из многих других городов России, с Украины, Дона [3]. Таким образом, ярмарка по своему значению перерастала рамки не только Симбирской губернии, но и Средне-волжского региона и в рассматриваемый период имела общероссийское значение.

Второй отличительной особенностью Карсунской ярмарки было то, что сюда приезжали иностранные купцы — в основном торговцы, прибывавшие из Астрахани через Самару и Симбирск по Волго-Каспийскому пути. Это были гости из среднеазиатских государств, Ирана и даже далекой Индии. Следует подчеркнуть, что их на ярмарке бывало немного, так как восточные товары попадали в центральные губернии России в основном через посредников — казанских татар и астраханских армян [1, л. 39]. Данный факт свидетельствует о международном значении ярмарки.

Карсунская Троицкая ярмарка, как и большинство ярмарок в России того времени, не имела четкой специализации. Об этом свидетельствуют названия торговых рядов, ассортимент привозимых товаров. В центральной части

Карсуна перед началом торгового возводились временные лавки, торговые палатки и ряды. Рядов было несколько: Арзамасский, Казанский, Армянский, Мыльный, Холстовый, Ивановский и другие [1, л. 47—57]. Наиболее богатые купцы снимали одновременно несколько лавок. Так, по числу лавок на ярмарках конца XVIII — начала XIX века выделялись арзамасский купец Егор Алексеевич Дьяконов, казанский купец второй гильдии Акинфий Петрович Серебренников и другие [1, л. 39об.].

К ярмарке готовились жители не только города Карсуна, но и близлежащих сел. Малеский городок не мог разместить всех приезжих, а поскольку торг продолжался в течение 10 дней, многие из них снимали на это время дома, амбары, склады как в самом Карсуне, так и в его окрестностях. К началу торгов в городке белили избы, убирали мусор с улиц и площадей. В город стекались труппы провинциальных актеров, присажали местные дворяне с женами и дочерьми, мещане, крестьяне и монахи — словом, представители всех сословий, национальностей Поволжья и различных социальных групп. Поистине, ярмарка была событием в размеренной и спокойной жизни симбирской глубинки.

В преддверии торгов в городе проходили выборы смотрителей, а также сборщиков торговых сборов. Не обошлось без казусов. Так, на ярмарку 1802 года в качестве сборщиков среди прочих были избраны карсунские купцы М. Голощапов и Ф. Андронов. Видимо, купцы решили использовать свое положение для личного обогащения. Собрав довольно большую сумму (5513 руб. 25 коп.), часть денег они утаили. Против них 10 декабря 1803 года было возбуждено дело (окончено 17 марта 1806 года) [2, оп. 1, д. 10, л. 55; оп. 2, д. 24, л. 1 об.]. Данный факт примечателен больше не криминальной стороной, а суммой, собранной с торговцев. Если учесть, что сборщиков было несколько, а торговый сбор с купца был невысокий, по

указанной сумме можно судить о размахе торговли и количестве торговавших.

Случались на ярмарке и случаи краж, убийства, пожары и др. Так, во время торгового 1805 года повздорили два саранских купца Рукавишников и Казницын. Видимо, воспользовавшись отсутствием Казницына в лавке, его земляк выбросил товар первого на улицу. Покупатели, естественно, выброшенный товар растащили. Казницын обратился в суд. Приняв дело к производству 15 мая 1806 года, местный суд закончил его лишь 25 сентября 1817 года. Это яркий образец судебной волокиты того времени [2, оп. 2, д. 47].

В Карсун купцы доставляли самый разнообразный товар. Здесь шла крупная торговля скотом, хлебом, шкурой, шелковыми и льняными тканями, холстом, российским и иностранным сукном, сахаром, чаем, медной и железной посудой, сельскохозяйственными орудиями, кожевенными и шорными товарами, медом, воском, пушниной, салом, галантерейными и парфюмерными изделиями. Заметную роль на ярмарке играла торговля изделиями местных промыслов.

Если в 1783 году развитые промыслы в губернии были лишь в 27 селах, то в 1800 году их насчитывалось уже 62 [5]. Так, в самом Карсунском уезде были развиты лапотный, рогожный, гончарный, деревообделочный, валяльный, сапожный и другие промыслы. Село Сюксом было известно своими ложкарями, Проломиха — изготовлением оконных рам, Аргаш — производством выездных саней и саней-пролеток. В этих селах проходили еженедельные базары, а в селе Аргаш и ежегодная ярмарка, проводившаяся 10 июня. Следует заметить, что аргашские сани и пролетки продавались не только на Карсунской ярмарке, но и на Симбирской Сборной, Ирбитской, Пензенской, Сенгилевской, Самарской, Саратовской, Саранской и других.

К сожалению, в изученных нами

архивных документах отсутствуют прямые данные об объемах торговли. Лишь по отдельным косвенным показателям можно судить о торговых оборотах на Карсунской Троицкой ярмарке. Несомненно то, что они исчислялись многими десятками тысяч рублей и ежегодно увеличивались. В Симбирской губернии подобных ярмарок было немного. Можно отметить лишь Языковскую ярмарку Курмышского уезда и Сызранскую. Но их число росло с каждым годом. Так, если в 1783 году в губернии насчитывалось 18 ярмарок и 25 торгов, то в 1800 году их было соответственно 23 и 37, а в 1810 — уже 27 и 46 [5].

Ярмарка в России — это совершенно особый мир, с присущими ему колоритом, обычаями и традициями. В дни торгов изменялся и преображался не только город, но и ведущие к нему дороги, так как в июне через Карсун следовали обозы на Макарьевскую ярмарку в Нижний Новгород.

В Карсун приезжали и знаменитые люди края. Одни стремились сюда, чтобы посмотреть пестрый мир ярмарки, приобрести книги, встретиться с друзьями и знакомыми, просто отвлечься от скучных будней провинциальной жизни. Другие приезжали по делам коммерческим. Так, в период жизни в Проломие Н. П. Огареву по

делам своей Тальской писчебумажной фабрики часто приходилось бывать в уездном городке. Фабрика, обремененная крупными долгами, требовала к себе постоянного внимания. Огарев же, поэт и мыслитель, был далек от предпринимательской деятельности. 28 мая 1854 года он писал С. И. Астракову: «...Я в Карсуне на ярмарке. Ярмарка скверная. Скучно!.. Гадко!.. писать не хочется...» [4, с. 601]. Бывали на Троицкой ярмарке Ознобишины, Языковы, И. И. Гольц-Миллер и другие известные люди Симбирского края.

На протяжении всего XIX века Карсунская Троицкая ярмарка играла значительную роль в экономической жизни Поволжского региона. В Карсунском уезде действовали и другие ярмарки: в Барыше, Базарном Сызгане. Сами названия этих населенных пунктов свидетельствуют о причастности их жителей к коммерции.

Развитие фабричной промышленности расширяло рынок. Базаров и ярмарок становилось все больше, возрастали их обороты. При довольно низком уровне развития экономики страны в конце XVIII — начале XIX века ярмарки в России имели важное значение. Таким образом, в стране сложилась целая сеть региональных ярмарок, связывавших местные рынки с общероссийским.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ГАУО, ф. 746, оп. 4, д. 40.

2. ГАУО, ф. 747.

3. ГАУО, ф. 963, оп. 1, д. 1.

4. Пассек Т. П. Из дальних лет. Воспоми-

нания: В 2 т. М.: Гослитиздат, 1963. Т. 2. 791 с.

5. Романши И. С. Очерки экономики Симбирской губернии XVII — XIX вв. Ульяновск, 1961.

РАЗВИТИЕ РЕЧЕМЫШЛЕНИЯ КАК ПРЕДПОСЫЛКИ СПОСОБНОСТИ К ОБУЧЕНИЮ

А. И. УЗОЙКИН, кандидат филологических наук

То, что язык является средством получения знания, т. е. опыта, накопленного предшествующими поколениями языкового социума, общевизвестно. Нетрудно убедиться и в том, что язык есть практически действенный инструмент выработки и создания нового знания лишь потому, что изобретение мыслей происходит в формах языка; и чем богаче и разнообразнее эти формы, тем точнее и действеннее изобретенная мысль, которую затем можно, если она того заслуживает, материализовать в металле, дереве, в формулах, в правилах поведения, в понятиях науки.

Существуют два уровня языковой культуры. Первый из них — уровень повседневного знания и использования языка. Как правило, лексика этого уровня снижена, грамматика упрощена, орфоэпические нормы, часто не имея опоры на графему (письменный знак звуко-типа), искажаются в процессе звучащей речи. Поскольку такой язык функционирует в основном в своей изустно-звуковой форме, устно-речевая стихия расшатывает языковые нормы, разрушает исторически сложившиеся и принятые в культуре языка понятия и представления о семантических, функционально-стилистических и эстетических функциях языка как основного компонента культуры общества.

Современные средства массовой информации, предлагающие ее восприятие «на слух», т. е. без опоры на графему, оставляют все меньше и меньше места для сферы письменной речи в общественной языковой практике. Этот уровень знания и пользова-

ния языком можно отнести к тому, что принято называть «самобытной культурой», т. е. культурой, порождаемой бытом человека и языковым коллективом в целом. В словосочетаниях «самобытный писатель», «самобытная культура» не содержится, по-видимому, понятия о чем-то возвышенном или о каком-то образце высокой профессиональной культуры. Значение, может быть, чего-то оригинального — да, и то потому, что всегда существовал, с разной степенью увлеченности, интерес к примитивному, т. е. непрофессиональному, искусству, порождаемому экзотикой быта. А если учесть, что многолетний наш «экзотический», барачно-коммунальный быт наплодил мутантов, страдающих «алексией», «акулькией», «амнезией» (первое — нарушение способности читать, второе — считать, третье — помнить), то слово «самобытный» совсем лишается ореола.

В нейтральном смысле слова «самобытная культура» является основой для развития ценностей более высокого уровня — профессиональной культуры, языковой в частности. Культурно-исторический процесс, по замечанию профессора В. А. Балашова [1], невозможно представить как существование и развитие только фольклорной культуры (языкового, музыкального фольклора), как, впрочем, и существование и развитие только национальной культуры.

Второй и более высокий уровень знания и использования языка как инструмента интеллектуально-творческой деятельности намыслим без обращения к ценностям, наработанным пред-

ставителями высокой профессиональной культуры: поэтами, писателями, театральными мастерами слова, учеными гуманитарных и естественных областей знания. Когда эти творения и ценности становятся неотъемлемыми для основной массы языкового социума, тогда и следует говорить о демократизации языка. Когда слова и обороты «низкой и подлой» речи, по выражению М. В. Ломоносова, недостойные употребления ни в одном из функциональных стилей языка и сфер языкового использования, охотно и легко допускаются в национальный литературный язык (язык радио, телевидения, кино, театра, газет и журналов, художественной литературы), тогда следует говорить о вульгаризации языка. К сожалению, эти два понятия — демократизация и вульгаризация — часто путают, и хуже, если делают это сознательно.

Вопрос о взаимоотношениях письменной и устной речи требует особого рассмотрения. В практике обыденной речи существует расхожее словосочетание «разговорный язык», которое вовсе не понятие, а некое искаженное представление о двух основных формах существования языка, а именно: письменной (печатной) и изустно-звуковой. Изустно-звуковая форма характерна и функционально оправдана для сферы быта. Речевые ситуации здесь быстротечны и прибегать к письменной коммуникации, за редким исключением, нет смысла. Как было отмечено, лексика этой сферы обыденна и проста, а грамматика может отсутствовать, поскольку ее функции выполняет интонация. Впрочем, лексика тоже может отсутствовать — ее заменяют жесты и междометия.

Изустно-звуковая форма языка характерна для лекций и семинаров, научных конференций, коллоквиумов и т. д. Это то, что называется «речью в собрании», т. е. публичная речь. Однако это не есть стихия сферы быта. Таким образом, словосочетание «разговорный язык» предполагает не только язык бытовой сферы, достоинства и

качества которого часто сомнительны для осуществления интеллектуально-творческого начала.

Культурологические и лингвистические доктрины, ориентирующие формирование языкового облика общества и воспитание его языкового поведения на основе «народной речи», не вкладывая при этом мысли о способностях и умении строить и воспринимать публичную речь, неосостоятельны в условиях возрождения русской культуры в целом и языковой культуры в частности. По-видимому, герои — носители «культуры», гордившиеся тем, что они «академиев не кончали», и потому говорившие «народным», в их понимании, языком, должны остаться далеким, а потому и не слышимым отзвуком прошлого.

Определение языка как средства общения, да еще трактуемого как общение «из уст в уста» (а общение с книгой вовсе не общение, а чтение), понимание языка как системы знаков и теория отражения действительности в человеческом сознании в формах языкомышления не акцентируют или не замечают действительность семантического акта языкового обозначения. Словом, словосочетанием, предложением можно обозначить и то, что не существует как «обозначаемое». Например, «круглый квадрат». Иными словами, можно «изобрести мысль».

Лингвистике, которая никогда не была общим знанием о языке, свойственно рассматривать язык как сумму определенных дискретных элементов и их взаимоотношений, т. е. систему знаков, пусть даже и особого рода.

По своей природе язык есть поток общения. Языковой континуум в лингвистике представлен прерывными рационально-механистическими делениями (звук, слог, слово, словосочетание, предложение и т. д.). Так язык, родной или иностранный, и изучается в школе, в вузе. При этом степень знания этих «прерывных элементов» языка и правил их функционирования оказывается решающей для создания и восприятия потока языкового созна-

ния, как своего собственного, так и других людей, говорящих или пишущих на данном языке, т. е. «язык есть орган, образующий мысль... обязательная предпосылка мышления и в условиях полной изоляции человека» [2]. Отсутствие или недостаточность этого знания затрудняет создание и восприятие потока языкового сознания, особенно в быстротечности изустно-звуковой формы. В силу этого речь всегда индивидуальна, хаотична и неупорядочена, т. е. асистемна, язык же системен как сумма «прерывных элементов» и их взаимоотношений и социален.

Все то, что рекомендуется обществу, предполагает сохранение и развитие наряду с другими общественно признаваемыми ценностями этических и эстетических ценностей языковой культуры, наработанных представителями высокой профессиональной культуры. Именно образцы письменной речи (функциональные стили научного, публицистического, официально-делового, ораторского языка, а не только языка художественной литературы) ориентируют общественно-языковое движение в направлении от «письма» к «речи».

В своей общественной языковой практике цивилизованное общество должно осознавать тот факт, что хотя письменная речь и является «вторичной» как в историческом плане (факт речи предшествует факту языка), так и в процессе индивидуального овладения языком, но в силу своей роли и места в культурно-историческом процессе приобретает первостепенное значение. В школе и в вузе, по крайней мере, это значение и должно быть таковым, чтобы культивировать языковой облик общества на основе письменной речи, изменив традиционное соотношение изустно-звуковой и письменной речи в учебном процессе, т. е. заменив традиционные устные экзамены и зачеты письменными работами и подчинив нормам и правилам построения публичной речи (риторика и композиция) устные высказывания на семинарах и коллоквиумах. Неумение «стро-

ить речь» должно вызывать порицание. Это необходимо, на наш взгляд, делать уже сейчас, когда бурное наводнение «кино-теле-видеокоммуникации» вызвало массовое тиражирование изустно-речевых текстов, что резко ограничило сферу письменного, печатного слова.

Стихия изустно-звукового языка без опоры на письменный инвариант вышла за пределы регулирования текстов (под текстом понимаем любое языковое высказывание: от реплики в диалоге до научной статьи и целого романа) традициями нормативных словарей, грамматик, стилистик, которые разрабатывали сферу письменной речи. Изустные высказывания в рамках этой традиции предполагались как подражания образцам письменной речи. Процесс распространения стихии устной речи, столь характерный для нашей страны в 70—80-х годах, начался в 50-е годы с развитием масс-медиа и был наиболее заметен на англо-американской языковой почве, когда «непечатные» слова и выражения изустно-бытового языка получили «звучание» в кино-теле-видеотекстах и «прописку» в бульварно-развлекательной литературе. На 80-е годы приходится кризис образовательной системы США, выразительно обозначенный как «нация на грани риска», когда все национальные службы образования констатировали рост числа выпускников учебных заведений с такими низкими навыками в чтении, письме, счете, что они оказывались неспособными к продуктивной жизни вообще и трудовой деятельности в частности.

Языковые знания, полученные на основе изустно-речевых текстов, вероятно, достаточны для понимания, но не для создания текста на родном языке: для создания и проверки собственных гипотез, для скрытого и открытого диалога с автором, преподавателем, для понимания и разделения сложных задач на более простые, но соответствующие определенным идеям и концепциям и т. д. Для бакалавра и магистра нужен качественно иной уро-

вень языкомышления как суммы прерывных элементов языкового сознания и законов их функционирования, что предполагает умение написать реферат, доклад, читать литературу, выполнить эксперимент и т. д.

Грамотный человек владеет как устной, так и письменной речью, т. е. способен понимать, воспроизводить и создавать текст. Как же быть с утверждениями о том, что некто «понимает», но вот выразить или высказать «понятое» не может? Неясно, в каких же формах существует и протекает его мысль, если он не художник, не скульптор, не музыкант, не хореограф. Ясно, что этот некто недостаточно хорошо владеет теми прерывными элементами языка, которые членят и конструируют поток языкового сознания. Бедность языкомышления, отсутствие опоры на письменный образец (элементарный принцип наглядности для познания языка) обеспечивают лишь аморфные сцепления артикулируемых звуков. Это особенно подтверждается, когда речь идет об иностранном языке.

Быт человека определен реалиями, язык изустно-бытовой сферы материализован как с точки зрения самой материи звучащего слова, т. е. «означающего», так и его значения, т. е. «означаемого», которое в сфере быта всегда прямо соотносено с опредмеченными реалиями. Иными словами, вторая, «идеальная» сторона языкового знака, т. е. «означаемое», как бы уже не является «идеальной», «духовной», хотя язык и существует как единство материального («означающее») и идеального («означаемое»). Язык как бы лишается своей второй ипостаси, своего духовного начала.

«Опредмечивание» обеих сторон языкового знака лишает язык его «идеальности», «духовности», что, по видимому, и лежит в основе бездуховности человека, общества в целом. Со времен античной культуры известно, что «дух человека» постоянно стремится освободиться от уз языка, ибо «чувство» всегда богаче, а слова стесняют внутреннее чувство. И если «чув-

ство» все же отрешается от слова, то вновь является опять же в слове, пусть в ином, но слове, с тем чтобы быть доступным для восприятия. И это лишь обогащает язык средствами выражения.

В порядке дискуссии или эксперимента можно предложить следующее.

В школе изучение русского языка как инструмента науки, культуры и межнационального общения занимает весь период обучения, при этом образцами языкового воспитания служат не только тексты художественной литературы, но и тексты научной, официально-деловой, ораторской, публицистической речи. В силу культурно-исторических условий роль языка художественной литературы в формировании русского национального литературного языка несколько преувеличена, чего нельзя сказать, например, об английском национальном литературном языке. Художественная литература, обладая огромным культурно-воспитательным воздействием, является все же «второй» действительностью, а человек живет в реальной и должен хорошо знать инструмент ее преобразования. Поэтому программа филологического образования может предусматривать такие дисциплины, как: общая филология, учение о типах речи, основы теории и практики функциональных стилей языка, риторика и композиция и др.

Наряду с учебниками по грамматике и стилистике основным пособием по языку является толковый словарь учебного типа, насыщенный цитатами, понимаемыми не как иллюстративный материал, но как образцы развертывания семантического поля слова и построения «правильной» речи, следование которым обеспечивает в аналогичных ситуациях речь «правильную» с точки зрения грамматики, семантики, стиля и эстетики языка.

В университете подобный курс филологических дисциплин необходимо, на наш взгляд, предусмотреть в учебных планах не столько филологического, сколько инженерных и естествен-

ных факультетов, так как ни у одной науки нет какого-то особого языка, но есть определенный объем стиливых черт, или параметров, которые и создают язык науки в целом.

Мы много говорим о гуманитаризации общества, в частности обучения, вкладывая в это различное значение. В буквальном же смысле это есть не что иное, как «очеловечивание» общества, науки, обучения и т. д., т. е. «устройство» чего-либо для человека с учетом его чувственных, рациональных, моральных, этических и эстетических начал. Благодаря своему языку человек и общество являются тем, чем они являются. Технократический же под-

ход отбрасывает все эти начала, представляя человека «винтиком» большого построения. А так называемые социально-политические науки превращают человека в необязательный или чисто иллюстративный придаток идеи, концепции и т. д.

Система письменных зачетов и экзаменов по всем изучаемым дисциплинам позволит расширить сферу применения письменной речи, что, кстати, снимет вопросы субъективной оценки, а стихия «природного», т. е. устно-звукового, языка на семинарах и коллоквиумах, ориентированная на образцы письменной речи, приобретет качества языковой культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Балашов В. А. Этнические функции профессиональной культуры // Вестн. Мордов. ун-та. 1992. № 2. С. 4 — 5.
2. Гумбольдт В. О сравнительном изучении

языков применительно к различным этапам их развития. Цит. по: Березин Ф. М. История лингвистических учений. М.: Высш. шк., 1975. С. 53 — 55.

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОРДОВСКИХ ЯЗЫКОВ

Н. И. АРИСКИН, кандидат филологических наук

В последнее время в связи с изменившейся политической, экономической ситуацией в республиках, включенных ранее в единое государственное пространство, необычайно возросло внимание к проблемам межнационального взаимодействия, и прежде всего языкового. В области языкознания данным вопросом традиционно занималась социалингвистика. В нашей стране ей отводилось более почетное место по сравнению с психолингвистикой, которая пользовалась большей популярностью в странах, которые мы привыкли именовать западными. Психолингвистика занимается лингвистическими процессами индивидуума, тогда как социалингвистика — того или иного коллектива. Но язык как явление не имеет

идеологических границ, поэтому работы в обеих областях языкознания велись во всех странах, вне зависимости от официальной идеологии, хотя и с разной степенью интенсивности.

В Мордовской республике социалингвистика выпала из поля зрения ученых-лингвистов. Этим, видимо, и объясняется отсутствие хорошо продуманной и научно обоснованной, с осознанием конечных результатов, политики языкового строительства и целенаправленного формирования межнациональных отношений. Считалось, что у нас национальный вопрос решен полностью и окончательно, все народы идут к слиянию в один советский народ, а значит, и необходимость в программах развития «отмирающих» мор-

мордовских языков отсутствует. А раз так, к чему тратить средства на развитие того, что не сегодня, так завтра обязательно уйдет в небытие? Да и сами мордва в ускоренном темпе ассимилировались, растворялись в русском этносе. Отсюда вытекал единственно возможный вывод: в республике нет необходимости в разработке программы формирования межнациональных отношений.

Политика в этой области полностью соответствовала вышеуказанным представлениям, ставшим стереотипом. Следствием ее претворения в реальность стало сужение функциональной сферы мордовских языков, проявившееся, в частности, в закрытии в прошлые годы национального театра драмы, оперного театра, детских журналов на мордовских языках, в широкомасштабном свертывании преподавания мордовских языков и т. д. За пределами Мордовии, где проживает 72 % всей мордвы, в школах, училищах и вузах преподавание мордовских языков прекратилось полностью.

С изменением ситуации в стране мордовская интеллигенция судорожно пытается осознать создавшееся положение, формированию которого сама в еще недавнем прошлом в немалой степени способствовала под убаюкивающие похвалы и одобрение властей предрекающих. Вновь остро встал вопрос: мокша и эрзя — это два народа, объединенных общностью происхождения и языковой близостью, или же две составляющие одного мордовского народа, что в немалой степени озадачило не только саму мордву. В связи с этим возникает еще несколько вопросов, на которые предстоит ответить ученым.

До сего времени мы были твердо убеждены, что народ один. И так же твердо были убеждены в том, что имеем два самостоятельных литературных языка. Правда, большинство лингвистов считают, что язык — это ключ к национальной самобытности народа. Если мы имеем один народ, то и язык должен быть один, в чем нас не одно

десятилетие пытаются убедить коллеги-лингвисты из Венгрии и Финляндии. В таком случае мы имеем не два литературных языка, а два литературных варианта одного мордовского языка. Думается, в этом вопросе на предстоящей языковой конференции было бы важно прийти к единому мнению. В настоящее же время необходимо исходить из тех реалий, которые никем до сих пор не оспаривались. А именно: мордовское национальное самосознание осложнено самосознанием этническим.

С точки зрения социолингвистики мордовские этносы объединены, по крайней мере в пределах Мордовии, в единый социум, то есть социально-хозяйственный и территориальный организм. В то же время они представляют собой две социолемы, два языковых коллектива со своими специфическими особенностями и потребностями. Чтобы осуществлять грамотную языковую политику, заниматься языковым строительством, планированием, необходимо как минимум представлять себе, на какое число носителей того или иного языка должна быть направлена эта политика. Какова, к примеру, мокшанская социолема?

Если серьезно думать о воссоздании национальных школ вне Мордовии, где принадлежность к той или иной социолеме не определяется районом традиционного проживания, то приходится сомневаться в том, что Министерство образования республики имеет четкое представление о том, какое количество преподавателей мокшанского языка и литературы необходимо подготавливать ежегодно. Потенциальная потребность в них не определена. Не знает потенциальную читательскую аудиторию на каждом из мордовских языков и Мордовское книжное издательство. До сего времени мы исходили из приблизительных расчетов: мокшане составляют третью часть от всей мордвы. Эта цифра, видимо, родилась благодаря тому, что языковеды встречались в лингвистических экспедициях приблизительно в два

раза чаще с эрзянами, чем с мокшанами. Думается, что на приблизительных расчетах нельзя строить серьезные планы. Причина же заключается в том, что при всех переписях учитывалась мордва вообще, а не конкретно мокшане и эрзяне.

При таком положении вещей трудно иметь ясную и четкую программу языкового строительства. Учитывая международные стандарты, на любом языке для нормального его развития необходимо иметь весь набор словарей, включая толковые и терминологические. Они должны периодически, не реже одного раза в пять лет, переиздаваться. Новые термины и понятия должны фиксироваться систематически. Противное же свидетельствует о деградации языка. И совершенно недопустима ситуация, сложившаяся с мордовскими языками, когда словари не переиздавались не пять, а пятьдесят лет.

Проведение четкой языковой политики неизбежно будет проявляться и в области образования, что особенно важно, учитывая сельский характер мордовской народной культуры. Обучение грамоте на родном языке является не самоцелью, а средством, благодаря которому представляющие ценность локальные элементы культуры не будут утеряны при переходе от преимущественно сельского и статичного общества к более урбанизированному и динамичному.

Мы подошли еще к одному аспекту проблемы, связанной с языковой политикой. При сложившемся многонациональном характере населения Мордовии необходима и четко выраженная национальная политика руководства республики, которая должна исключить любую двусмысленность в положении того или иного этноса. С самого начала необходимо отрешиться от

мысли о какой-либо исключительности сложившейся ситуации. Моноэтнических государственных образований в природе просто не существует. Так, исходя из мирового опыта в области национальной политики, Мордовскую республику можно соотнести с экзотическими странами, неоднородными с языковой точки зрения. Один, наиболее распространенный, язык получает статус общего официального с одновременным предоставлением статуса официального одному или нескольким региональным языкам. Подобных примеров в мировой практике великое множество — от огромной Канады до крошечного Монако на юге Европы.

Вызывает сожаление отсутствие доброй воли и компетентности у официальных лиц, призванных проводить языковую и национальную политику. Наглядное тому подтверждение — то обстоятельство, что закон о языках в Мордовской республике до сих пор не принят.

Все это вызывает в среде национальной интеллигенции опасения, что бесчисленные переделки и поправки сделают его бессмысленным для мордовских этносов. Определенная часть депутатов нашего парламента, много и охотно говоря о демократии вообще, воспринимают ее как понятие чисто экономическое, забывая при этом, что она или бывает всеобъемлющей, или ее не бывает вообще. Нельзя говорить о демократизации в сфере экономики, но не допускать ее в сфере межнациональных отношений, культуры, языковой политики. Никакие экономические блага не компенсируют ущербность в духовной сфере. Иными словами, всерьез говорить о равенстве того или иного народа, не признавая равенства его языка, по меньшей мере несерьезно, а тем более несерьезно строить на этом политику.

ПУТЬ К ДУХОВНОМУ ВОЗРОЖДЕНИЮ

[О ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА МОРДОВИИ]

М. А. КИЛЬДЮШОВА, ассистент

Шаг за шагом, день за днем, незаметно, но безвозвратно уходим мы в наше будущее, разрушая старые идеалы и не создавая новых, забывая традиции, утрачивая нравственные ценности. Пришло время остановиться и оглянуться назад. Какие следы оставим мы после себя, какую культуру создадим, на каких идеалах воспитаем новое поколение? Вопросы эти в настоящее время являются самыми актуальными, требующими ясного, незамедлительного ответа. Сейчас, когда наше общество находится в состоянии глубокого духовного кризиса, происходит переоценка моральных и нравственных ценностей. Дефицит милосердия, сострадания, доброты заставляет задуматься о путях выхода из сложившейся ситуации. Как избежать духовного обнищания? Как сохранить превосходство моральных ценностей над материальными? Ответить на эти вопросы сложно. Но один из путей сохранения духовности — возвращение к истокам, к накопленной мудрости, к фольклору.

Устное народное поэтическое творчество — неиссякаемая сокровищница народной мудрости, опыта. Оно воспитало и воспитывает сотни поколений, помогая различать добро и зло, хорошее и плохое. Не случайно с давних времен рассказывают детям сказки, поют колыбельные песни. В них — гармония звуков и красок, красота образов, в них — клад воспитательных идей. Сказки любят и взрослые, и дети. Великий русский поэт А. С. Пушкин, с раннего детства познакомившийся с неповторимой красотой и мудростью произведений устного народного поэтического творчества, писал в письме к брату, находясь в михайловской ссылке: «Вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего

воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма».

И если до настоящего времени фольклор привлекал нас прежде всего своей эстетической стороной, то теперь следует говорить об изучении устного народного творчества со стороны воспитательной. К сожалению, уходят в прошлое целые произведения и жанры фольклора. Мы многое потеряли, оставив в стороне изучение фольклора русского населения Мордовии. Это невосполнимая потеря, и она становится все больше, так как ученых, занимающихся этим вопросом, в Мордовии единицы. До настоящего времени не вышло ни одного сборника произведений русского фольклора Мордовии, нет специальных работ, посвященных этой проблеме. С изучением мордовского фольклора дело обстоит несколько лучше. Значительную работу по сборанию и обработке фольклорного материала провели мордовские исследователи М. Е. Евсеев, А. И. Маскаев, А. В. Алешкин, М. Безбородов, Л. С. Кавтаськин и другие.

История собирания и изучения мордовского фольклора нашла отражение в работе К. Т. Самородова, где он отмечает, что «рука об руку с русской фольклористикой мордовские собиратели и исследователи народного творчества обращаются к определению его исторических корней и одновременно к изучению его дальнейших судеб... к рассмотрению соотношения традиции и новаторства в фольклорном материале, в характере фольклорных произведений, их бытовании, поэтике» [3, с. 5].

Мордовские литературоведы не оставили в стороне исследование русско-мордовских связей в фольклоре. На территории Мордовии издавна бок о бок проживают русские и мордва.

Происходит взаимопроникновение обрядов, сюжетов, традиций в культуре русского и мордовского народов. Так, А. Г. Самошкин в работе «О связях между русской и мордовской частушкой» отмечает, что «русская частушка сыграла важную роль в оформлении мордовской частушки на основе ее собственной поэтической традиции» [4, с. 407].

Связь тематики исторических и балладных песен русского и мордовского фольклора отмечает А. И. Маскаев в работе «Славяно-мордовские связи по материалам эпической песни». Он пишет: «Русская песня не просто заимствуется, не только оказывает влияние на мордовский фольклор, но и входит в мордовский фольклор целиком. Для русско-мордовской общности исторические и бытовые связи с давних времен переплетаются со связями политическими и экономическими, что благотворно отразилось на общем процессе исторического развития мордовского народа» [4, с. 302].

«О связи мордовского народа с другими народами по материалам обрядового фольклора» — так называется работа К. Т. Самородова, в которой он рассматривает сходства и различия в жанровом составе обрядового фольклора русского и мордовского народов. Автор отмечает наличие целого ряда «общих тем, мотивов, жанровых структур, сюжетов, образов, ситуаций, обрядовых действий, сходство которых связано с аналогичными социальными и культурными взглядами, возникшими в процессе совместной жизни и борьбы с эксплуататорами» [4, с. 317]. Итак, взаимодействие культур двух народов очевидно. Поэтому одинаково важно изучение фольклора как мордовского, так и русского населения Мордовии.

Русский фольклор Мордовии — важная часть нашей национальной культуры, основа нравственности, духовного богатства. Необходимость собирания, сохранения и передачи народной поэзии подчеркивали многие мордовские ученые. В первые годы Советской власти к изучению фольклора

подходили с исторической стороны, так как фольклор не просто тесно связан с историей общества, но и отражает в себе все изменения, происходящие в этом обществе, и сам изменяется вместе с ним. Так, 4 марта 1937 г. в «Красной Мордовии» вышла статья Т. Миронова «Как изменяется фольклор». В ней автор прослеживает, какие изменения появились в нем в послереволюционное время. В заключении статьи он обращался ко всем читателям газеты с просьбой помочь в сборе фольклорного материала. «Записывать надо дословно все, что рассказывает сказитель, и запись производить не на литературном языке, а на родном диалекте сказителя. Под каждым записанным произведением должно быть указано, когда и где записано произведение, кто рассказал его (ФИО, возраст, колхозник или единоличник он, батрак или бедняк в прошлом и т. д.)» [2]. Конечно, читатели газеты откликнулись на просьбу автора статьи. Где же теперь хранятся все собранные им материалы, так и не увидевшие свет?

Долгие годы фольклор изучался со стороны эстетической. Много работ советские фольклористы посвятили анализу поэтики устного народного творчества, его жанровому своеобразию. Излишне повторять, какое непревзойденное эстетическое воздействие оказывают произведения устного народного творчества на человека своей мелодией, яркостью образов и красок, красотой языка.

В наше время к изучению фольклора необходимо подойти со стороны моральной, этической, воспитательной. В этом стремятся убедить читателя и авторы статьи «Твои духовные корни» Р. Александрова и Т. Петрушина: «Нравственность как деятельность, поведение, мораль, как правило, учение, истина — наиглавнейшие, изначальные законы бытия. Они непреходящи, не подвержены никаким новациям... Игнорирование духовного наследия — это лишение самих себя собственного духа, жизненной энергии...

Вот почему нам необходимо знание духовного капитала предков. Это кладовая общечеловеческих ценностей. И не изучать ее, не исследовать — способствовать распаду связи времен, поколений» [1, с. 66].

Разве наше ничтожное знание фольклора, за века накопленной мудрости, не является одной из причин духовного обнищания, деградации? Истоки духовного возрождения необходимо искать именно в народном творчестве.

«Собранное устное народное поэтическое творчество, безусловно, является важнейшим вкладом в развитие духовной культуры мордовского народа, которая представляет ценность и для других народов. Это прежде всего нива воспитания, те духовные корни, которые надо укреплять» [1, с. 75 — 76].

Знания народной жизни необходимы человеку прежде всего для укрепления традиций и культуры. «Игнорирование всего этого бесценного богатства, его забвение ведет к утрате самобытных корней, общечеловеческих ценностей.

Отчужденный от собственных истоков человек обречен на духовное вымирание» [1, с. 76].

Не ставя целью данной статьи анализ какого-либо фольклорного жанра, обратимся в качестве примера к народным пословицам, записанным на фольклорной практике в селе Пурдошки Темниковского района Мордовии. На народном опыте, получившем свое выражение в кратких, но метких высказываниях, воспитывались и воспитываются жители села. Пословицы отражают жизнь во всех ее многообразных проявлениях, определяют отношение народа к различным событиям. Многие пословицы построены на противопоставлениях. Так ярче передается народная мудрость: «Лапоть сапогу не товарищ» — учит различать людей, выбирать друзей; «По себе людей не судят» — умей видеть собственные недостатки; «Один богатеет, другой беднеет» — все в жизни взаимосвязано. В пословицах пурдо-

шанцев мы видим философские рассуждения о жизни («Жизнь прожить — не поле перейти»), о неизбежности судьбы («Что суждено, то и будет»). В них уважение к труду («На протянув руки, калача не съешь»; «Ложкой работать тоже сила нужна»).

На основе житейского опыта в пословицах делаются определенные обобщения, даются рекомендации («Не запрягши лошадь на телегу не садись», «Живи для людей — проживут люди для тебя»). Есть пословицы-умозаключения («Злое слово, что соль в глаза», «Нет греха — нет и стыда»).

Народные пословицы отстаивают высокие жизненные идеалы, регулируют человеческие взаимоотношения («Богатый за богатого — бедный за бедного»), в них выражаются идеальные представления об отношениях в семье («Муж в доме голова, а жена — сердце», «Совет да любовь — на них свет стоит»).

В составе этого жанра особо стоят фольклорные выражения, по своей форме и направленности совпадающие с пословицами. Они также обобщают народный опыт, особенно ценный для земледельца. Это приметы. Они помогают выбрать время посева, предсказывают погоду. Неопровержимой истиной считают пурдошанцы пословицу «Если нет дождя и грома, на черта нам агрономы». Итак, «Утром туман — к ясному дню», «Утренний дождь чаще на весь день», «Мухи сильно кусаются — к сильному дождю», «После дождя комары толкнутся — жара будет» и т. д.

Наступило время обратить серьезное внимание на проблему сохранения и умножения веками копившейся мудрости. Остается воплотить это сознание на деле. А возможностей для этого много. Во-первых, необходимо обработать собранный уже материал и выпустить сборники произведений устного народного поэтического творчества; во-вторых, создать все условия для организации специальных фольклорных экспедиций, оснастить их новейшей видео- и радиотехникой; в-третьих,

опубликовать все работы собирателей, исследователей, представляющие собой ценный материал для изучения фольклора.

Русское устное поэтическое твор-

чество Мордовии до настоящего времени остается неизученным и представляет огромное поле деятельности для собирателей и исследователей фольклора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александрова Р., Петрушина Т. Твои духовные корни // Встречи-89. Саранск, 1989. 222 с.

2. Мионов Т. Как изменяется фольклор // Красная Мордовия. 1937. 4 марта.

3. Мордовское устное народное творчество: Очерки / Общ. ред. Э. В. Померанцевой

и К. Т. Самородова. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1975. 430 с.

4. Этногенез мордовского народа: Материалы науч. сессии 8 — 10 дек. 1964 г. / Под общ. ред. акад. Б. А. Рыбакова. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1965. 439 с.

Правоведение

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ЕЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Л. Д. КАЛИНКИНА, кандидат юридических наук

Законодательное начало судебно-правовой реформы в Российской Федерации положено принятием Верховным Советом России 24 октября 1991 г. Концепции судебной реформы, в которой определены перспективы развития законотворческого процесса по вопросам реформирования судебной власти. Являясь по сути новой формой выражения воли законодателя по судьбоносному для России вопросу, она закрепляет задачи и конкретные направления осуществления судебной реформы. В дальнейшем были приняты такие важные законодательные акты судебно-правовой реформы, как законы Российской Федерации «О статусе судей», «О прокуратуре», ряд законов, внесших существенные изменения и дополнения в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», УПК РСФСР и ГПК РСФСР. Их принятие направлено на избавление от пороков

тоталитарного государства в сфере судебской власти и во многом способствует искоренению судебного произвола, устранению судей «карманного» толка, их зависимости при принятии решений от местных влияний и конъюнктурных соображений, а также повышению авторитета и престижа судебской власти как сильной, профессионально грамотной и независимой ветви власти.

Однако более подробный анализ данных законов, сопоставление их норм с положениями вышеуказанной Концепции дает основание усомниться в последовательности законодателя при определении путей судебной реформы, свидетельствует о противоречивости начатых процессов реформирования судебной власти. Несмотря на одобрение Верховным Советом в Концепции институтов присяжных заседателей, мировых судей, апелляци-

онных судов, они до сих пор не нашли своего четкого законодательного закрепления. Преждевременным представляется упразднение института дисциплинарной ответственности судей за нарушения законности при рассмотрении уголовных и гражданских дел. В указанном документе лишь предусматривается, что «возбуждение дисциплинарного производства и постановка вопроса об освобождении судей от должности ... должны быть прерогативами судейской корпорации» [4, с. 45 — 46]. Но существу, не продуман и не предусмотрен в законе механизм избавления общества от судей, оказавшихся несостоятельными в профессиональном отношении, систематически грубо нарушающих нормы материального и процессуального права и тем самым дискредитирующих судебную власть.

Независимая, квалифицированная и высокоправственная судейская власть призвана охранять права, свободы и законные интересы человека и гражданина, защищать конституционные устои, обеспечивать законность и правопорядок, сдерживать от произвола законодательную и исполнительную власть. Такая нацеленность реформы третьей власти делает необходимым сохранение на конституционном уровне судебного контроля за деятельностью органов государственной власти и управления, предприятий, учреждений, организаций, в том числе общественных объединений и политических партий, их органов, средств массовой информации, должностных лиц с представлением гражданам права подачи жалоб в судебные органы на неправомерные действия и решения указанных субъектов. Текущее законодательство должно гарантировать право граждан на судебную защиту, закрепляя правовой механизм его обеспечения.

Всеобъемлющий характер судебного контроля предполагает серьезное осмысление вопроса о возможностях Конституционного Суда Российской Федерации и Конституционных Судов

республик в ее составе охватить тот огромный поток неправовых нормативных актов, которые должны быть отменены или по крайней мере приостановлены решением судебного органа. Конституционный Суд Российской Федерации из-за своей малочисленности, ограничения подсудных ему вопросов, организационной самостоятельности, как уже верно отмечалось [3, с. 35], может быть оторван от реальных проблем правоприменения и не в состоянии справиться с огромным объемом неправового законодательства в России. В этой связи заслуживают внимания предложения о распространении на систему «общих» судов полномочий по контролю за законодательной властью с реорганизацией их структуры и предоставлением им права признания закона неправовым, приостановления его действия, обращения в законодательный орган с предложениями об устранении коллизий правовых норм и пробелов в законодательстве [1; 2, с. 36].

До принятия Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» действовал институт досрочного отзыва и дисциплинарной ответственности судей судов РСФСР. В соответствии с Положением о дисциплинарной ответственности судей, отзыве и досрочном освобождении судей и народных заседателей судов РСФСР от 27 февраля 1990 г. судья мог быть привлечен к дисциплинарной ответственности в связи с виновным действием или бездействием за нарушение законности при рассмотрении судебных дел. Отмена или изменение судебного решения сами по себе не влекли ответственности судьи, участвовавшего в вынесении данного решения, если им не были допущены преднамеренные нарушения закона либо недобросовестность, повлекшая существенные последствия. Этот институт работал против волокиты, недобросовестных, некомпетентных, неумелых чиновников от судейской власти, грубо нарушающих материальный и процессуальный закон. В соответствии с

Учреждением судебных установлений в одном из четырех судебных уставов судебной реформы 1864 г., опыт которой в наше время нельзя не учитывать, должностные лица судебного ведомства подвергались ответственности в порядке дисциплинарного производства за конкретные упущения по службе [5, с. 60 — 64]. Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в ст. 16 «Неприкосновенность судьи» устранил возможность привлечения судьи к дисциплинарной ответственности.

Взамен упраздненных институтов дисциплинарной ответственности и досрочного отзыва в законе не оказалось каких-либо других механизмов предупреждения и устранения фактов судебного произвола, в результате чего страдает правосудие. По Канонам судебной этики США, «суды существуют для поддержания правосудия и таким путем служат интересам общества. Отправление ими правосудия должно быть быстрым и тщательным. Каждый судья должен быть скрупулезным в соблюдении правил и в ведении судебных дел, насколько это в силах, принося пользу тяжущимся сторонам и интересам общества. Он должен понимать, что суды существуют для лиц, туда обратившихся, а не наоборот» (п. 2) [2, с. 28].

Независимость судей только тогда чего-нибудь стоит, если она связана с их высоким профессиональным и нравственным уровнем, гарантиями против недобросовестности, некомпетентности, злоупотреблений ими судейскими полномочиями. Озабоченность данной проблемой должна накладывать отпечаток на реформирование судебской власти в Российской Федерации.

Восстановление институтов мировых судей и мировых судов, как предполагает Концепция судебной реформы в Российской Федерации, потребует законодательного определения порядка их формирования. Представляется, что они должны выбираться непосредственно избирателями на основе всеобщих, прямых и равных выборов путем тайного голосования сроком на пять лет. С учетом высоких требований к кандидатам в судьи, избирание пожизненно, было бы полезным отбирать их из числа мировых судей, проработавших 5 лет и успешно прошедших аттестацию. Аттестационная комиссия, на наш взгляд, должна действовать при органе юстиции и включать в себя представителей органов судебного сообщества, вышестоящего судебного органа, органа юстиции и представителя органа государственной власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев С., Собчак А. Конституция и судьба России // Известия. 1992. 28 — 30 марта.
2. Власов И. Независимость судей — гарантия правосудия // Сов. юстиция. 1992. № 13 — 14. С. 28 — 29.
3. Ершов В. В. Суд в системе органов государственной власти // Гос-во и право. 1992. № 8. С. 31 — 37.
4. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М.: Республика, 1992. 111 с.
5. Российское законодательство X—XX веков. Судебная реформа: В 9 т. Т. 8. М.: Юрид., 1991. 495 с.

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. В. БУРДИНА, аспирант

Арбитражные суды в России явились, по существу, преемниками государственных арбитражей, определяемых то как «особые административные органы», то как «органы с двойной природой», имеющие наряду с правоохранительными и управленческими функции.

Закон Российской Федерации «Об арбитражном суде» четко определил его природу, отнеся к судебным органам (ст. 1 Закона: «Арбитражный суд осуществляет судебную власть при разрешении возникающих в процессе предпринимательской деятельности споров...»).

Конституция Мордовской ССР в ст. 142 определяет Высший арбитражный суд МССР как высший экономический судебный орган, осуществляющий судебную деятельность при разрешении возникающих в процессе предпринимательской деятельности споров, вытекающих из гражданских правоотношений (экономические споры) либо из правоотношений в сфере управления.

Разграничение подведомственности дел судам общей компетенции и арбитражным судам представляет определенные трудности, так как сходны правоотношения, вызывающие споры. В целях обеспечения правильного и единообразного решения вопроса о подведомственности дел Пленум Верховного Суда и Пленум Высшего арбитражного суда Российской Федерации приняли совместное постановление от 18 августа 1992 года «О некоторых вопросах подведомственности дел судам и арбитражным судам» [5, с. 9 — 10].

Основными началами разграничения подведомственности заявленного требования суду или арбитражному суду должны быть их компетенция, ха-

рактеристика участников спора, связь возникающего дела с осуществлением предпринимательской деятельности.

Тщательной проработки требуют принципы организации арбитражных судов. Понятие принципа права дискуссионно и выходит за рамки данной работы. Как правило, под правовым принципом понимаются основополагающие и руководящие начала, выраженные в нормах права или вытекающие из них.

Существует мнение, что «деление принципов правосудия на судостроительные и судопроизводственные имеет скорее дидактическое, чем практическое значение» [1, с. 19]. Подобный взгляд свидетельствует о недооценке самостоятельного значения и активной преобразующей роли такой философской категории, как форма.

Судостроительными принципами арбитражных судов являются основные правила, которые определяют организацию, структуру, системность, полномочия арбитражных судов, связь их с другими государственными и общественными органами.

Анализ нового действующего арбитражного законодательства, а также опыта развития системы арбитражных судов в России и Мордовии позволяет в числе их судостроительных принципов назвать следующие: выборность арбитражных судов, независимость звеньев системы арбитражных судов, их трехинстанционность, сочетание федеральных и республиканских арбитражных судов, их единство, внутренняя согласованность структуры арбитражного суда.

Конституционно закрепленный принцип выборности наряду с принципом независимости судей является ключевым в системе принципов организации арбитражных судов. В соответствии с

ним судьи Высшего арбитражного суда Мордовской ССР избираются Верховным Советом нашей республики. Критериями для их избрания являются: наличие высшего юридического образования, стаж работы по специальности не менее трех лет, наличие гражданства МССР.

Порядок надсечения судей арбитражных судов полномочиями установлен во Временном положении о порядке избрания судей арбитражных судов Российской Федерации от 10 февраля 1992 года [2, с. 404].

К сожалению, до сих пор на законодательном уровне не закреплены требования к кандидатам в судьи арбитражных судов. Единый статус всех судей в Российской Федерации предопределяет единый подход к требованиям, предъявляемым к кандидатам в судьи, и к их отбору.

Было бы целесообразно распространить действие статьи 5 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», посвященной отбору кандидатов на должность судьи, и на арбитражные суды. В связи с этим представляется необходимым предъявлять к кандидатам на должности судей арбитражных судов наряду с вышеупомянутыми требованиями достижения возраста 25 лет (для судей вышестоящего арбитражного суда — 30 лет), а также недопущения порочащих поступков.

Система арбитражных судов в Российской Федерации включает в себя арбитражные суды, наделенные одинаковым кругом полномочий. С учетом этого они подразделяются на два звена: 1) высшие арбитражные суды республик в составе Российской Федерации; краевые, областные, городские; арбитражный суд автономной области; арбитражные суды автономных округов; 2) Высший арбитражный суд Российской Федерации. Полномочия высших арбитражных судов республик в составе Российской Федерации в области правосудия совпадают с полномочиями краевых и приравненных к ним арбитражных судов, однако пер-

вые имеют еще и право законодательной инициативы в высшем органе государственной власти — в Верховных Советах соответствующих республик.

В отличие от органов государственного управления и прокуратуры в судебной системе вообще и в системе арбитражных судов в частности нет отношений подчиненности, ибо все судьи равны в том плане, что подчинены только закону [4, с. 53]. В системе органов управления и прокуратуры такой автономности, независимости звеньев нет. В отношении арбитражных судов первого звена Высший арбитражный суд Российской Федерации вправе осуществлять лишь процессуальное руководство.

Рассматривая принципы независимости звеньев, следует обратить внимание на их минимальное количество в системе арбитражных судов. Выше упоминалось, что арбитражные суды явились преемниками государственных арбитражей, переняв существовавшую ранее систему построения. Организация госарбитражей осуществлялась применительно к условиям административно-командной экономики и планового хозяйства. Подобная система не имеет перспективы и не отвечает требованиям создания сильной, независимой судебной власти в условиях рыночной экономики и правового государства. Пути совершенствования системы арбитражных судов видятся в создании окружных арбитражных судов как судов второго звена и замыкании всей системы на Высшем арбитражном суде Российской Федерации (третье звено).

В настоящее время в Российской Федерации действует трехинстанционная система арбитражных судов — арбитражные суды первой инстанции, арбитражные суды кассационной инстанции и арбитражный суд надзорной инстанции. К компетенции арбитражных судов первого звена отнесены: разрешение дел по существу с исследованием доказательств в арбитражном разбирательстве (по первой инстанции) и проверка законности и

обоснованности решений арбитражных судов, не вступивших в законную силу (в качестве кассационной инстанции). Проверку законности и обоснованности решений арбитражных судов, вступивших в законную силу (в качестве надзорной инстанции), осуществляет Высший арбитражный суд Российской Федерации.

Наличие в одном суде (в частности Высшем арбитражном суде МССР) двухуровневой компетенции не всегда обеспечивает объективность и беспристрастность при разрешении споров, снижает ответственность судей за принимаемые решения. Образование окружных арбитражных судов в качестве судов кассационной инстанции безотносительно к национально-государственному и административно-территориальному устройству Российской Федерации способствовало бы усилению гарантий независимости судов и вынесения ими законных и обоснованных решений. При этом за судами республик в составе Российской Федерации сохранились бы полномочия суда первой инстанции.

В соответствии с Федеративным договором вопросы судостроительства отнесены к совместной компетенции органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти республик в составе Российской Федерации. По данному кругу полномочий федеральные органы государственной власти издают Основы законодательства, руководствуясь которыми государственные органы власти республик в составе Российской Федерации осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных правовых актов [3, с. 84].

Республики вправе выбрать любой из двух возможных вариантов решения вопросов судостроительства на собственной территории: либо они соглашаются с предложенной Законом Рос-

сийской Федерации «Об арбитражном суде» системой арбитражных судов, либо принимают собственные нормативные акты, установив модель системы арбитражных судов на своей территории. Мордовская ССР собственных нормативных актов по вопросам судостроительства не имеет.

Арбитражные суды в Российской Федерации составляют единую систему (ч. 3 ст. 3 Закона РФ «Об арбитражном суде»). Суды, входящие в систему арбитражных судов, представляют упорядоченную иерархию звеньев, объединенных единством стоящих перед ними задач, едиными принципами и формами судопроизводства.

Принцип внутренней самостоятельности структуры арбитражных судов находит проявление в их построении. В Высшем арбитражном суде МССР действуют: коллегия по разрешению дел по экономическим спорам; коллегия по разрешению дел по спорам, возникающим в сфере управления; коллегия по проверке в кассационном порядке законности и обоснованности решений арбитражных судов, не вступивших в законную силу.

В связи с принятием Верховным Советом Российской Федерации Закона «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» сфера деятельности судов расширяется. Им требуются дополнительные штаты судей, способных правильно применять положения Закона. Категория дел о несостоятельности (банкротстве) предприятий обладает специфическими отличиями от других категорий подведомственных арбитражному суду дел, в частности особой арбитражно-процессуальной формой их рассмотрения. Указанная специфика позволяет говорить о необходимости образования в структуре арбитражного суда самостоятельной коллегии по рассмотрению дел о несостоятельности (банкротстве) предприятий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бибало В. Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора. Минск: Университетское, 1986. 158 с.

2. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 9. Ст. 404.

3. Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации //

Конституция (Основной Закон) Российской Федерации — России. М., 1992. С. 79 — 108.

4. Конституционные основы правосудия в СССР / Под ред. В. М. Савицкого. М.: Наука, 1981. 350 с.

5. О некоторых вопросах подведомственности дел судам и арбитражным судам: Постановление Пленума Верховного Суда и Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1992. № 11. С. 9 — 10.

Философия

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСЛАВИЯ

С. М. ИТКИН, кандидат философских наук

Не секрет, что в последние годы все более заметное влияние на самые различные стороны нашей жизни приобретают религия и церковь. И это, разумеется, не случайно: меняются социально-политические условия, происходят сдвиги в общественном сознании, претерпевают изменения представления о месте и роли самых различных организаций и объединений, в том числе и религиозных.

Наиболее крупной религиозной организацией на территории Российской Федерации является русская православная церковь, поэтому актуальность вопроса о ее социальном статусе возрастает.

Говоря о социальном статусе религиозных организаций, следует различать два аспекта: правовой и социально-политический, далеко не всегда совпадающие в общественном сознании и социальной практике, что вполне объяснимо. В первом случае через соответствующие юридические акты и документы фиксируется официальное положение данного общественного яв-

ления или организации, во втором отражается их фактическое положение, так сказать, неформальный статус, которые далеко не всегда совпадают.

Все это весьма четко прослеживается на статусе современного русского православия. Его официальное положение вполне определенно регламентируется двумя основными документами. Юридически, на государственном уровне, — законом РСФСР «О свободе вероисповеданий», принятым в 1990 году. Канонически, на внутрицерковном уровне, — «Уставом об управлении русской православной церкви», принятым ее Поместным Собором в 1988 году. Значительно сложнее обстоит дело с неформальным статусом. В отличие от юридически закреплённого официального статуса он более подвижен, изменчив и, как показывают исследования, определяется главным образом двумя факторами: реальными социально-политическими процессами, происходящими в обществе, и характером меж- и внутриконфессиональных отношений. А они достаточно сложны и

противоречивы. Противоречия заложены уже в самой двойственной природе православной (как, впрочем, и любой другой) церкви. С одной стороны, она — «телу Христово», а стало быть, «не от мира сего» и по этой причине обязана быть вне политики и по логике вещей — нейтральной по отношению к государству, политическим партиям, организациям и движениям. Ее единственной функцией должно быть удовлетворение религиозных потребностей верующих. С другой стороны, церковь — это социальный институт, десятилетиями и сотнями нитей связанный с различными сторонами жизни общества. Она «в мире сем» и по этой причине не может быть вне политики, не может изолироваться от государства. А потому ее практическая деятельность неизбежно включает в себя целый ряд нерелигиозных по своей сути, но общественно значимых функций: миротворческую, экологическую, нравственно-эстетическую и ряд других. Все это накладывает заметный отпечаток на социальный статус современного русского православия.

В силу исторически сложившихся условий и традиций русская православная церковь всегда искала союз с государством и, более того, на протяжении длительного времени являлась государственной религией и государственной церковью. В свою очередь государство видело в церкви свою духовную, а в известном отношении и социальную опору. Длительный, с октября 1917 по август 1991 года, исторический зигзаг в нормативных отношениях между церковью и государством не смог, как показывает наше время, изменить традицию особых отношений между государством и церковью. Достаточно вспомнить процедуру инаугурации летом 1991 г. первого Президента России. Перед церковью возникла тогда действительно непростая проблема определения своих взаимоотношений с демократически избранной властью и, шире, своего отношения к демократическим процессам, происходящим в обществе, в частности к плюра-

лизму в сфере идеологии и духовной жизни.

Здесь опять-таки придется прибегнуть к «формуле двух сторон». История семи десятилетий советского периода вроде бы делала вполне естественной позицию резкого осуждения тоталитарного режима, принесшего церкви неисчислимые беды. И слова такого осуждения прозвучали из уст патриарха Алексия II и некоторых других иерархов русской православной церкви. Вместе с тем русская православная церковь — устойчивая консервативная структура, что в данном случае не следует воспринимать как политическую оценку. Это не более чем констатация факта. Ее консерватизм имеет свои глубокие исторические истоки, уходящие корнями в византийское православие, он подкреплен догматически и оформлен организационно.

Как и в досинодальный период, в русской православной церкви действует, по существу, «монархическая вертикаль», которую церковный устав 1988 г. не только не ослабляет, а усиливает: священник становится во главе приходской общины. И поэтому церкви достаточно сложно вписаться в процесс действительной демократизации (хотя настроения подобного рода, безусловно, присутствуют у определенной части духовенства, о чем, в частности, свидетельствует возникшее еще в 1988 г. объединение «Церковь и перестройка» во главе со священником Глебом Якуниным).

Пробным камнем для церкви, как и для многих других общественных движений, стало отношение к национально-государственной проблеме и идее патриотизма. Исторический опыт убедительно свидетельствует об устойчивой традиции патриотического служения русской православной церкви, ее заметном вкладе в сохранение самобытности русской национальной культуры и формирование национального самосознания. Это подтверждается множеством фактов и примеров на огромном историческом отрезке, начиная со времен ордынского ига и до на-

ших дней. При этом в силу уже упомянутых ранее причин особенностью русской православной церкви, как правило, было (и остается) осуществление такого служения не в конфронтации, а в союзе с государством, «властью». Безусловно, такая позиция отражает противоречия социального статуса русского православия и дает повод для его критики как «справа», так и «слева».

«Если до августа 1991 года, — пишет В. Бойко на страницах «Московских новостей», — патриарха очень жестоко (и, как оказалось, несправедливо) ругали демократы, то после путча — национал-патриоты» [1]. Иерархам русской православной церкви предъявляется претензия чересчур спокойного отношения к дезинтеграционным процессам: ни один из них не выступил открыто против распада государства. В свою очередь со стороны демократического крыла патриархат упрекается в том, что в дни августовских событий 1991 г. с его стороны не прозвучало резкое и четкое осуждение ГКЧП.

Думается, что упреки как «справа», так и «слева» не имеют достаточных оснований. Церковь, опираясь на предельно широкую (в принципе) социальную базу, не должна становиться ни на одну из сторон политических баррикад. Ее духовный потенциал, опирающийся на общечеловеческие нравственные ценности, принцип соборности и идеи патриотического служения, позволяет оставаться одной из немногих консолидирующих сил в нашем нестабильном обществе, переживающем глубокий и разносторонний кризис.

Социальный статус современного русского православия определяется и другим важным фактором — характером и состоянием межконфессиональных отношений. Случилось так (и, разумеется, не случайно), что в последние два-три года существенно осложнились взаимоотношения между русской православной церковью и другими конфессиями. Заметно усилилось внутри страны влияние русской зару-

бежной церкви, сумевшей в условиях действия закона о свободе вероисповеданий основать на территории России около 50 приходов. Резко обострились межконфессиональные отношения на Украине, вынудившие руководителей русской православной церкви выступить с рядом заявлений.

Однако наиболее сложными и противоречивыми оказались отношения с протестантскими организациями. Буквально на глазах произошел, если можно так выразиться, «выброс» протестантской активности. Широким фронтом развернулась деятельность разнообразных протестантских миссий в самой гуще населения: на площадях, улицах, в кинотеатрах, домах культуры с использованием современной звуковой аппаратуры и к тому же сопровождаемая бесплатной раздачей «Нового завета», «Евангелия от Иоанна», другой религиозной литературы. Свидетельство тому — многочисленные выступления подобного рода в г. Саранске, других городах и населенных пунктах Мордовии.

На этом фоне довольно скромно выглядит деятельность русской православной церкви с присущей ей размеренностью и традиционализмом. И кое-кому, в том числе в самих церковных и околоцерковных кругах, начинает казаться, что все дело в недостаточной активности православия, в чрезмерной лояльности его иерархов и священнослужителей.

Однако все намного сложнее. Любая идея, в том числе религиозная, получает массовую поддержку и распространение лишь в том случае, если она отвечает назревшим потребностям времени. Такой потребностью, при всей неоднозначности самого процесса и противоречивости его восприятия и оценки в массовом сознании, является переход к рыночным отношениям и процесс демократизации, а значит, раскрепощения личности. Именно этим процессам, как показал мировой опыт, во многом соответствуют теория и практика протестантской ветви христианства.

Согласно марксистскому определению, протестантизм — это буржуазная разновидность христианства. И это не идеологическое клише, а констатация его глубинной социальной сущности. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к книге немецкого историка, социолога и философа конца XIX — начала XX века Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». Принципиально важным моментом в протестантизме является повышенное внимание к его национальной основе.

Известно, что основатель протестантизма Мартин Лютер впервые перевел Библию на национальный (в данном случае немецкий) язык и тем самым сделал ее доступной не знавшему латынь простому человеку. Национальный язык заменил в протестантизме принятую у католиков малопонятную рядовому верующему латынь или — по аналогии — церковно-славянский язык в православном богослужении. Думается, что идея национального языка как языка богослужения сыграла не последнюю роль в решении об образовании мокшанско-эрзянской лютеранской церкви в нашей республике.

Все это учитывается современной русской православной церковью. В 1992 — 1993 годах как в центральной, так и в местной печати появился ряд статей, выражающих отношение современного русского православия к новым реалиям, в том числе связанным с переходом к рынку. Так, референт патриарха Московского и всея Руси Алексия II диакон Андрей Кураев, напомнив слова святого Феофана Затворника о

том, что «дела житейские и общественные, от которых зависит состояние домов и обществ, суть Богом определенные дела и исполнение их есть хождение в делах Божеских», считает несостоятельными разговоры, «что России нужна "протестантская этика" для перехода к рыночной экономике» [3].

Развернутое изложение позиции русской православной церкви по отношению к протестантизму в региональном аспекте было высказано на страницах газеты «Советская Мордовия» епископом Саранским и Мордовским Варсонофием [2]. В Мордовии, как и в России в целом, действительно иная духовная основа, нежели та, на которой формировался протестантизм, иные исторические корни, иные традиции. Они достаточно глубоки и жизненны для того, чтобы русское православие могло и впредь успешно действовать и развиваться. Для этого ему отнюдь не нужна конфронтация, в том числе с протестантизмом, к чему призывают экстремистски настроенные круги как в самой церкви, так и вне ее, разыгрывая «церковную карту» в политике.

Социальный статус русского православия будет определяться его способностью сохранить баланс между традиционализмом и адаптацией к новым реалиям, преодолеть зазор между количественным увеличением в последние годы религиозных организаций и их фактическим влиянием на сознание и поведение тысяч людей на принципах консолидации и духовного возрождения народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бойко В. Хорошо, но уж очень трудно. Церковь: год спустя // Московские новости, 1992. № 34.

2. Епископ Варсонофий. В Мордовии нет почвы для лютеранства // Сов. Мордовия.

1992. 22 июля.

3. Кураев А. Попытка проповеди // Частная собственность (еженедельное приложение к газете «Известия»). 1993. № 1.

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ М. М. БАХТИНА

В. А. МАЛЬЧЕНКОВА, аспирант

В системе категорий нравственной философии М. М. Бахтина наряду с категориями «ответственность», «вина», «покаяние», «исповедь» анализируется и «любовь». Эта сторона его творчества практически не изучена, нет ни одной специальной работы, исследующей философию любви Бахтина. Ряд авторов (Р. И. Александрова [1], Г. И. Мажейкис [5], К. Эмерсон [12]) лишь в той или иной степени обращались к данной проблеме.

Мы не претендуем на исчерпывающий анализ, но попытаемся наметить некоторые подходы к теме, уделив большее внимание сопоставлению идей Бахтина с существующими культурными традициями западноевропейского и русского зрса, что позволит определить его место в философском учении о любви.

Для плодотворного анализа вышеобозначенной проблемы, на наш взгляд, следует руководствоваться следующими методологическими основаниями. Наиболее важными предстают, во-первых, антропологическая концепция Бахтина, включающая в себя триединство «дух — душа — тело»; во-вторых, его идеи о коммуникативной связи этического и эстетического; в-третьих, учение о ценностях, опирающееся на традиции западноевропейской и русской культуры в понимании зрса; в-четвертых, своеобразие идей относительно любви в зависимости от концепции диалога. Взгляды Бахтина на этот предмет определялись общими установками нравственной философии, которая, в свою очередь, представляет собой контртрадицию существующей идеологии и политике относительно культуры.

В конце XIX — начале XX века тема любви буквально ворвалась в русскую публицистику, литературу, художественную критику, философию и теоло-

гию. Появилось много работ о любви — В. Соловьева, Н. Бердяева, П. Флоренского, С. Булгакова, И. Лосского, Л. Карсавина и др.

Особенностью русской философской мысли о любви является связывание сексуальной энергии человека не только с продолжением рода, но и с пониманием духовной культуры, с религией, художественным творчеством, с поиском новых нравственных ценностей. Философия любви оказывается одновременно и этикой, и эстетикой, и психологией, и постижением божественного. Этот синкретизм — одна из характерных черт русского зрса, отличающего его от западноевропейского [7, с. 7].

В русской философии любви можно выделить два направления: во-первых, ортодоксально-богословское, представляемое П. Флоренским, С. Булгаковым, И. Ильиным, где любовь — способ познания божественной сущности; во-вторых, эстетическое, с акцентом на идеальную любовь, проповедуемое С. Соловьевым, З. Гиппиус, Л. Карсавиным, Б. Вышеславцевым, Н. Бердяевым и др. Л. Толстого и В. Розанова не относили ни к первому, ни ко второму. М. Бахтина также трудно заключить в рамки какого-либо одного направления.

Исходя из вышеобозначенной методологии, попробуем проанализировать понимание Бахтиным любви в аспекте «я и другой». Прежде всего речь здесь пойдет о взаимоотношениях мужчины и женщины — извечной стороне жизни и культуры, проблемах пола.

Любовь — это аживание в другого, полное совпадение с другим, сопереживание его как себя. Но Бахтин под «другим» подразумевает и всякого другого близкого человека. Любящий всегда ответствен за любимого, подчеркивает он. Результат этой ответст-

«...мо-ней реакцией на живание является ... слово утешения и действие помощи» [2, с. 23]. Иначе любовь окажется незавершенной, просто созерцательной. Но наполовину чувствам отдаться нельзя, необходимо полное слияние с любимым, ощущение его как себя.

На первый взгляд, может показаться, что бахтинское учение о любви следует христианской заповеди: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Однако это только поверхностное восприятие, в действительности же ученый подвергает сомнению истинность этого положения, что и явилось исходным пунктом своеобразия его теории любви.

Бахтин не склонен утверждать, что можно любить другого как самого себя. «Я» другого человека может быть для меня только объектом. Я могу понять себя, могу частично воспринимать себя внешним чувством, сделать себя предметом желания и чувства, т. е. могу сделать себя своим объектом. Но в этом акте самообъективизации я не буду совпадать с самим собой.

Любовь к себе Бахтин определяет как нарциссизм. Любовь к своему телу не сравнима с любовью к индивидуальной внешности другого человека: «...нельзя любить себя как другого, непосредственно...» [2, с. 48]. Бахтин делает вывод, что нельзя любить ближнего своего, как самого себя, или, точнее, нельзя самого себя любить как ближнего, можно лишь перенести на него всю ту совокупность действий, которые обычно свершаются для себя самого. Настоящую любовь можно пережить только по отношению к другому. Чувства к себе и к другому имеют принципиально различные нравственные установки и качественно глубоко отличны.

Знатоки античности, Бахтин под образом Нарцисса понимает прежде всего безжизненность любви к себе, холодность к другому, холодность такой красоты, отражение крайнего индивидуализма. Ученый не принимал нарциссизма и потому, что он утверждает мо-

нологизм, замкнутость человека с самим собой в органическом мире, не допуская никакого диалога, что противоречит учению Бахтина о рождении истины в диалоге и рождении любви в диалогическом отношении «я — другой».

По отношению к себе самому никогда не дано пережить того, что переживаешь по отношению к другому: только к устам другого можно прикоснуться устами, только на другого можно возложить руки, активно подняться над ним, «осеняя его сплошь всего, во всех моментах его бытия, его тело и в нем душу» [2, с. 43].

Таким образом, любовь у Бахтина — не только телесное влечение или средство для деторождения, как у Толстого, который был проповедником христианского учения о любви, столь критиковавшимся Розановым. Корень беды, по мнению Толстого, в том, что любовь между полами — фатально физиологическая, глубоко природная. Отсюда семья — исключительно для продолжения рода. Соединение чувственного и физического у Толстого невозможно, здесь противопоставление: или «спать вместе», или «духовное родство» [4, с. 216].

Позиция Бахтина скорее напоминает учение Вл. Соловьева. В литературе, посвященной творчеству этого мыслителя, существует точка зрения, что им отвергалась физиологическая сторона эроса и отдавалось предпочтение духовной. Однако это далеко не так. Еще дореволюционный философ Г. Чулков [11] заметил, что ученый иронизировал над чисто-духовной любовью. Подлинная любовь преобразует два природных существа в одно одухотворенное, бессмертное. Но собственно физиологической любви должно быть отведено последнее место. Таким образом, по Соловьеву, предмет истинной любви двойствен. Во-первых, мы любим идеальное, но не в отвлеченном смысле, а в смысле отношения к другой, высшей сфере бытия. Во-вторых, мы любим природное человеческое существо. Что действительно характерно

для Соловьева, так это акцент на индивидуальной стороне взаимоотношений мужчины и женщины. Соловьев делает вывод, что оправдание половой любви не только в продолжении рода. «Истинный смысл любви для него, — пишет по этому поводу американский ученый К. Эмерсон, — доказать, что человеческая индивидуальность — не только средство для рода» [12, с. 58]. Единственной возможностью преодоления эгоизма и утверждения человеческой индивидуальности Соловьев считает любовь к другому: «Любовь есть оправдание и спасение индивидуальности через жертву эгоизма» [8, с. 505].

У Бахтина любовь прежде всего утверждение индивидуальности другого, а пол — не единственная функция человека. Пол принадлежит личности как целому. Сам по себе он безлик. Любовь же всегда лична, индивидуальна, избирательно направлена на лицо другого.

Интересно сопоставление творчества Бахтина в связи с идеями В. Розанова, который был одним из первых, кто обратил внимание на традиционно замалчиваемые вопросы пола. Он выступил с апологией любви, сближая ее с красотой и истиной: «Всякая любовь прекрасна» [6, с. 205]. В этом эстетическом аспекте Бахтин близок Розанову, подтверждением чему служат его слова о том, что всякая любовь, которая постигается изнутри меня, со стороны видится как красота. Розанов также критически относился к христианскому учению о любви, усматривавшему в теле знак греховности человеческого рода, но вместе с тем оправдывавшему семью и брак как условие продолжения рода. Разрешение этого противоречия Розанов видел в язычестве, которое обожествляло плоть, половую любовь как источник жизни.

Особенностью концепции Бахтина является идея триединства. Любовь рассматривается им в аспекте «тело — душа — дух». Впервые этот оригинальный подход и своеобразие философа отметила Р. И. Александрова [1].

Идеалом телесно-душевно-духовного единения у Бахтина выступает образ Христа, в котором он видит синтез этического солипсизма, бесконечной строгости к самому себе человека с этики-эстетической добротой к другому и истиной. Развивая мысль о триединстве «тело — душа — дух», следует отметить, что христианство отдавало предпочтение последним, относясь аскетично к телу и не считая его «достойным» быть на равных с душой.

Бахтин не отрицает значения тела. Он, как и философы Ренессанса, видит в человеке «вселенную», со всеми ее стихиями и силами, с ее «верхом» и «низом», и «поиск» этой «вселенной» ведет к человеческому телу, «которое сближает и объединяет в себе отдаленные явления и силы космоса» [3, с. 404]. «Низом» Бахтин называет тело, «верхом» — все нематериальное в человеке. Следует отметить, что он никогда не ставит «верх» на место «низа», он осознает ценность того и другого. Отмечая значение «низа», Бахтин подчеркивает его продуктивность, обеспечивающую относительное историческое бессмертие человечества. Это говорит о том, с какой серьезностью ученый подходил к оценке человеческого тела, имеющего в любви большое эстетическое значение как идеал красоты, совершенства. «Мои эмоционально-волевые реакции на внешнее тело другого непосредственны, и только по отношению к другому непосредственно переживается мною красота человеческого тела, т. е. оно начинает жить для меня в совершенно ином ценностном плане, недоступном внутреннему самоощущению и фрагментарно внешнему видению» [2, с. 51].

Тело не есть нечто самодостаточное, оно нуждается в другом, его признании, формирующей деятельности. Самому человеку дано только внутреннее тело, тяжелая плоть. Внешнее тело другого — задано: он должен активно его создавать. При сексуальном подходе тело мое и другого сливаются в одну плоть, но эта единая плоть, замечает Бахтин, может быть только внут-

ренней. Поэтому сексуальный подход сам по себе не способен развить формирующих пластически-живописных энергий, не способен создать тело как «внешнюю, законченную, самодовлеющую художественную определенность» [2, с. 52], т. е. здесь внешнее тело другого разлагается, становится ценным лишь «в связи с теми внутренне-телесными возможностями — вождения, наслаждения, удовлетворения, — которые оно сулит мне, эти внутренние возможности потопляют его внешнюю упругую завершенность» [2, с. 53].

Ни Соловьев, ни Карсавин, ни Бахтин не различали любовь в ее определенной исторической форме. Соловьев говорил только о различной степени индивидуализации любви. Трудно однозначно определить какой-либо конкретный вид любви, предпочитаемый Бахтиным. Например, Г. Мажейкис, выделяя три ее типа — дружескую любовь; эрос, страстную; любовь к детям, к врагу, к Богу, жертвенную, не требующую гарантии взаимности, — подчеркивает, что у Бахтина в «Авторе и герое...» преобладает христианская, благодарствующая, жертвенная любовь с элементами дружеской взаимности [5, с. 30]. Но разве отсутствует у него любовь-эрос с акцентом на художественное творчество, любовь, сотворяющая личностно-индивидуальное, делающая возможной встречу с ним?

Мы предприняли попытку сопоста-

вить взгляды М. М. Бахтина с традициями отечественной мысли исходя из особенностей его методологии, его антропологической концепции единства тела — души — духа, которая была в контртрадиции к социалистической идеологии и политике. Большевицкая идея началась с уничтожения пола. Такие вечные явления, как любовь, семья, были заменены на «коллективизм», «ячейку общества». Целый ряд представителей гуманитарных наук предсказывали превращение «слабого пола» в «брата» [9, с. 224]. Пол, как и искусство, считали они, отойдет в прошлое вместе с господством буржуазии, сменится познанием и житнетворчеством. Из литературы исчезла поэзия здорового пола, чувственной страсти. «В самом русском сознании плотской любви стало отводиться культурное подполье» [10, с. 405]. Так человека превращали в винтик в общем механизме уничтожения души.

Поэтому необходимо подчеркнуть важность обращения Бахтина к проблеме любви в это трудное время. Он развивает гуманистическую традицию русского эроса и связывает эту проблему не только с продолжением рода, но и с акцентированием духовной культуры человечества, художественным творчеством, с опорой на общечеловеческие нравственные ценности. Поэтому философия любви Бахтина воспринимается в аспекте единства этики и эстетики, религии и психологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александрова Р. И. Мир культуры и мир жизни человека // М. М. Бахтин. Проблемы научного наследия. Саранск, 1992. С. 108 — 116.
2. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 9 — 191.
3. Бахтин М. М. Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит., 1990. 542 с.
4. Зверев А. Преступления страсти // Знамя. 1992. № 6. С. 212 — 219.
5. Мажейкис Г. И. Истина как любовное сотворчество: (Опыт постижения истины Бахтиным и Карсавиным) // Бахтин и философская культура XX века. Проблемы Бахтиноведения. СПб., 1991. С. 77 — 83.
6. Розанов В. В. Соч. М.: Сов. Россия, 1990. 588 с.
7. Русский эрос, или философия любви в России. М.: Прогресс, 1991. 448 с.
8. Соловьев В. Смысл любви // Соловьев В. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 493 — 547.
9. Тихомирова Е. Эрос из подполья // Знамя. 1992. № 6. С. 220 — 228.
10. Философия любви: В 2 ч. М.: Политиздат, 1990. Ч. 1. 510 с.
11. Чулков Г. О мистическом анимизме. СПб.: Факел, 1906. 109 с.
12. Эмерсон К. Русское православие и ранний Бахтин // Бахтинский сборник — II. М., 1991. С. 44 — 69.

**ДИНАМИКА СТАНОВЛЕНИЯ
УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ
В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЬСКИХ КАДРОВ**

Н. И. МЕШКОВ, кандидат педагогических наук

Подготовка учителя, отвечающего современным требованиям, должна осуществляться на основе модели педагога, отражающей его профессиональную деятельность. Именно этой задаче необходимо уделить в настоящее время максимум усилий, так как ее решение во многом будет определять характер и качество подготовки педагогических кадров для различных учреждений системы народного образования, в том числе и для ее основного звена — общеобразовательной школы. Создание такой модели требует комплексного организационного подхода и системного видения ее составляющих. Известный исследователь деятельности и психологии труда учителя А. И. Щербаков также указывает на необходимость построения такой модели, которая являлась бы аналогом его деятельности [5]. Подобная идеальная модель предполагает совершенствование не только подготовки учителя, но и его оценки. На это обращает внимание Е. П. Белозерцев, считая, что «четкое определение целей образования позволит избавиться от существующей ныне нечеткости критериев оценки готовности учителя к профессиональной деятельности на каждом этапе и конкретизировать цели подготовки в главном звене непрерывного образования учителя — педагогическом вузе» [1, с. 96].

В этой модели наряду с различными как личностными, так и профессиональными качествами должна быть представлена мотивационная составляющая, определяющая успех учебной

деятельности, уровень профессиональной подготовки, поскольку результативность в реализации поставленной цели определяется прежде всего смыслом учения, который формируется в результате определенного соотношения целей и мотивов академической деятельности. Качество учебной и профессионально-педагогической деятельности во многом определяется мотивами, вернее, их определенной структурой. Уже сама ориентация на учебную или профессиональную деятельность связана с наличием определенной мотивационной структуры. Эффективность той и другой во многом определяется соответствием мотивации деятельности. На это обстоятельство указывает В. И. Ковалев, считая, что «окончательный выбор профессиональной деятельности в качестве основной происходит, как правило, при наличии адекватной ей системы мотивов» [3, с. 123].

Характер и содержание учебно-профессиональной мотивации далеко не одинаковы у различных студентов. Это вполне закономерно, поскольку каждый человек — неповторимая личность с присущими ей индивидуально-психологическими особенностями. Возникает вопрос, стоит ли заниматься формированием мотивов у будущих учителей. Позитивный ответ на него дают объективные требования самой профессиональной деятельности. В связи с этим возникает и следующий вопрос: почему единые профессиональные требования порождают различные мотивационные характеристики. По-видимому,

это зависит по меньшей мере от двух следующих обстоятельств: во-первых, как было отмечено, от индивидуальных особенностей личности, во-вторых, от конкретных обстоятельств, условий процесса обучения, вернее, учебно-воспитательного процесса, который далеко не одинаков в различных учебных заведениях и зависит от стиля руководства и управления, кадрового состава учебного заведения, его материально-финансовой базы, методического и технического оснащения, санитарно-гигиенического режима, культуры интеллектуальной деятельности и т. д. Если социальная макроструктура, сама профессия предъявляют к учителю единые требования, то микроструктура (та или иная школа, учебное заведение) формирует их различия, что прежде всего и сказывается на мотивации.

С целью анализа учебно-профессиональной мотивации, ее динамики была применена шкала, включающая четыре группы мотивов: познавательные, профессиональные, социальной идентификации и утилитарные. Оценка каждого из предлагаемых мотивов

осуществлялась по семибалльной шкале, где высший балл выражал максимальное влияние соответствующего мотива на характер учебной деятельности, а низший — минимальное. Данная методика была разработана на кафедре педагогики и педагогической психологии Санкт-Петербургского университета и применялась нами ранее в исследованиях, проводившихся на факультете психологии того же вуза.

В результате обработки полученного материала не было обнаружено статистически значимых различий в общем уровне учебной мотивации у студентов с различной успеваемостью. Однако такие несоответствия были выявлены по отдельным мотивам. По силе влияния на характер учебной деятельности мотивы расположились неодинаково. В целом наиболее интенсивное влияние на учебную деятельность студентов оказывают познавательные и утилитарные мотивы, которые занимают первое и второе место. Третье место разделили между собой профессиональные мотивы и мотивы социальной идентификации (табл.).

Таблица

Интенсивность проявления учебных мотивов у студентов с высокой [1] и низкой [2] успеваемостью

Мотивы	Курс						Средний балл
	I		III		V		
	1	2	1	2	1	2	
Познавательные	5,0	5,0	5,3	4,9	5,3	5,0	5,1
Профессиональные	4,3	4,2	4,5	4,1	5,0	4,7	4,5
Социальной идентификации	4,7	4,7	4,2	4,3	4,3	4,6	4,5
Утилитарные	4,9	5,4	4,4	5,7	4,7	4,8	5,0
Средняя общая оценка	4,7	4,8	4,6	4,8	4,8	4,8	4,8

Особенно велика роль утилитарных мотивов у студентов со слабой успеваемостью, причем значительное их преобладание в мотивационной структуре оказывает негативное влияние на результативность учебной деятельности, так как данная группа мотивов является внешней по отношению к учебным целям. Их интенсивность сильна и у студентов с высокой успеваемостью. В настоящее время в результате формирования новых экономических отноше-

ний произошла переоценка ценностей. Если в предыдущие годы мотивы, отражающие материальную зависимость студента, не занимали доминирующего положения в мотивационной структуре, то сегодня их влияние особенно заметно. Так, исследованием, проведенным учеными Санкт-Петербургского университета в конце 70-х — начале 80-х гг., было выявлено, что утилитарные мотивы занимают далеко не ведущее положение у студентов различных факуль-

татов и вузов [4]. Сегодняшние студенты испытывают большую материальную зависимость. Среди них имеются и такие, которые поступили в вуз из-за материальных соображений, так как найти себе работу в настоящее время нелегко. Такой мотив, как успешно учиться, на «отлично» и «хорошо» сдавать сессию, не опускается ниже 4,2 балла. В среднем его влияние у студентов с различной успеваемостью составляет около 5 баллов. Данный мотив отражает не только гностические, но и материальные притязания. В целом говорить о чистоте отдельных мотивов не приходится, так как в них проявляются самые различные отношения.

Познавательные мотивы наиболее выражены у студентов с высокой успеваемостью. Они оказывают самое благотворное влияние на результаты их учебной деятельности. Причем в отличие от слабоуспевающих, у которых доминирующее положение в мотивационной структуре на первых трех курсах занимают утилитарные мотивы, у сильных студентов от курса к курсу происходит усиление влияния познавательных.

Желание стать высококвалифицированным специалистом также сильнее проявляется у успевающих студентов, приобретая все большее значение от курса к курсу. Если на первом курсе интенсивность воздействия на учебную деятельность профессиональных мотивов составляет 4,3 балла, то на пятом — 5 баллов.

Познавательные и профессиональные мотивы оказывают самое существенное влияние на процесс формирования профессиональных качеств будущего учителя. Однако в любой деятельности, и особенно в педагогической, большое значение имеют личностные качества, формирование которых определяется прежде всего социальными мотивами. В нашем исследовании в мотивационной структуре на одном из последних мест находятся мотивы социальной идентификации.

Так, у сильных студентов пятого курса степень их влияния на 1 балл ни-

же познавательных мотивов и составляет 4,3 балла. По-видимому, характер межличностных отношений, который сформирован в академических группах, не оказывает должного влияния на учебную деятельность студентов. Более того, у некоторых из них формируется эгоизм, который проявляется в изоляции их от товарищей во время учебной работы. Такие студенты работают только на себя.

У ряда студентов слабо развиты такие мотивы, как достижение уважения преподавателей, одобрения родителей и окружающих, избегание осуждения и наказания за плохую учебу и др. Конечно, на процесс познания они не могут оказывать существенного влияния, так как они являются внешними по отношению к нему, но их роль нельзя недооценивать в плане формирования социально значимых качеств личности будущего учителя. Следовательно, внимание профессорско-преподавательского состава должно быть направлено на формирование не только познавательно-профессиональных, но и социальных мотивов, от чего зависит складывание психологического климата, который является неременным условием эффективности учебно-воспитательного процесса [2].

Анализ мотивов способствовал выяснению того, что мотивационные структуры студентов, различающихся по уровню учебной успеваемости, неодинаковы. У сильных в большей степени проявляются такие мотивы, как приобретение глубоких и прочных знаний, стремление успешно учиться, на «отлично» и «хорошо» сдавать сессии, не запускать учебные предметы, получать интеллектуальное удовлетворение, стремление стать высококвалифицированным специалистом. Их мотивация направлена на перспективные цели, в отличие от студентов со слабой успеваемостью, у которых отмечается преобладание «короткой мотивации» — получение стипендии, общежития, изучение предметов в пределах учебной программы, выполнение заданий преподавателя, желание удержаться на

факультете, избегание осуждения и наказания за плохую учебу. Ориентация сильных студентов на достижение перспективных целей учебной деятельности способствует формированию у них устойчивой профессиональной направленности, которая, в свою очередь, определяет отношение к различным мотивационным образованиям. Сильная и устойчивая мотивация сопровождается более высокими результатами.

Мотивы слабых студентов не имеют яркой направленности на конечные цели учебной деятельности. Они носят

более ситуативный, утилитарный характер, в связи с чем не могут оказать положительное влияние на формирование необходимой учебной активности и профессиональной направленности. Соответственно результаты их учебной деятельности не достигают необходимого уровня. В конечном счете «короткая мотивация» не способствует и формированию положительных личностных качеств, поскольку уровень учебной самоорганизации, активности очень низок и не способствует продуктивному их становлению.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белозерцев Е. П. Подготовка учителя в условиях перестройки. М.: Педагогика, 1989. 208 с.

2. Волков И. П., Платонов Ю. П., Скрипник И. И. Психологический климат в коллективе студенческого отряда как фактор трудового воспитания // Психолого-педагогические проблемы высшей школы. Вып. 5. Л., 1985. С. 97 — 100.

3. Ковалев В. И. Мотивы поведения и деятельности. М.: Наука, 1988. 192 с.

4. Кузьмина Н. В., Якунин В. А. Роль орга-

низаторской деятельности деканатов в предупреждении отсева и академической неуспеваемости студентов // Проблемы повышения успеваемости и снижения отсева студентов: Человек и общество. Вып. 20. Л., 1983. С. 139 — 153.

5. Щербанов А. И. Совершенствование системы профессиональной подготовки учителя-воспитателя — важная задача педагогических институтов // Современные задачи общобразовательной школы и проблемы подготовки педагогических кадров. М., 1978. С. 5 — 10.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Медицина

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ФОТОМОДИФИКАЦИИ КРОВИ В ХИРУРГИИ

И. Н. ПИКСИН, доктор медицинских наук;

С. П. БЯКИН, научный сотрудник;

Р. Е. КИСЕЛЕВА, доктор биологических наук;

М. Д. РОМАНОВ, кандидат медицинских наук;

П. И. КАРПУШКИНА, аспирант

Метод ультрафиолетового облучения (УФО) крови нашел широкое применение в клинической практике при

лечении гнойно-воспалительных заболеваний различной локализации. В Центре светолечения, функциониру-

щем на базе кафедры госпитальной хирургии Мордовского государственного университета (4-я городская клиническая больница г. Саранска), с 1986 года проводятся аутотрансфузии ультрафиолетом облученной крови (АУФОК) больным острыми и хроническими хирургическими заболеваниями. Метод хорошо зарекомендовал себя при острых инфекционных деструкциях легких и плевры, острых хирургических заболеваниях органов брюшной полости, острых и хронических заболеваниях гениталий, в лечении заболеваний вен и артерий конечностей, в постреанимационном периоде, в качестве одного из эффективных методов пред- и послеоперационной подготовки. Этим далеко не ограничивается применение АУФОК в медицине. В Центре произведено около 6 000 сеансов АУФОК 2 000 больным с лечебными и профилактическими целями [7].

Отмечен положительный клинический эффект УФО аутокрови в лечении хирургических заболеваний с нарушением иммунологического статуса [4]. При изучении механизмов лечебного действия фотомодифицированной ультрафиолетовыми лучами крови обнаружены: иммуномодулирующий [6], антиоксидантный [8] и реологический [2] эффекты. Это обстоятельство послужило основанием для расширения показаний к методу. Поэтому сейчас усиленно изучается возможность применения АУФОК при некоторых эндокринопатиях (тиреотоксикозе, сахарном диабете и др.), а также специфических инфекциях (туберкулезе, сифилисе и ВИЧ-инфекциях).

В Центре светолечения разработан ряд усовершенствований применявшихся ранее методик. В частности, изобретена, сконструирована и широко используется специальная капиллярная кювета для аппаратов МД-73, МД-73М «Изоolda», преимущества которой перед обычной в том, что она проста в изготовлении и может быть сделана из обычных кварцевых капилляров — отходов промышленного производства. Но самое главное ее досто-

инство в том, что она позволяет облучать меньший объем крови, достаточный для хорошего модификационного эффекта, при одной и той же экспозиции. В то же время относительная площадь облучения в капиллярной кювете выше, чем в стандартной, что является дополнительным фактором повышения эффективности процедуры.

Нами исследованы биоэффективные дозы модифицирующего ультрафиолетового излучения (УФИ). Показано, что хороший модифицирующий эффект может быть получен при меньших дозах облучения (640 Дж/м^2 вместо 820 Дж/м^2). Не исключено, что для достижения определенного эффекта в облучаемой крови и в организме больного нужны разные биоэффективные дозы. В эксперименте установлена предельно допустимая для цельной крови доза коротковолнового ультрафиолетового излучения (1560 Дж/м^2), вызывающая разобщение ассимилятивных процессов и резкий рост продуктов белковой и липидной деградации [3]. Коррекция биодоз привела к снижению количества посттрансфузионных реакций на 10 — 15 % и значительно повысила клиническую эффективность процедуры. В настоящее время АУФОК практически безопасна для больного [7].

Совместно с кафедрой биохимии биологического факультета изучены основные механизмы действия УФИ на кровь и ее компоненты, а также воздействие модифицированной крови и ее компонентов на немодифицированную. Показано, что первичным активатором процесса является фотозависимое перекисное окисление липидов (ПОЛ) мембран клеток и липопротеидов плазмы крови [3; 9].

Продукты локальной белково-липидной деградации активируют по механизму обратной связи антиоксидательные ферменты клеток крови [5; 8]. ПОЛ в мембранах тромбоцитов вызывает усиление распада ненасыщенных жирных кислот, о чем говорит уменьшение их концентрации в мембране на 8 % и увеличение концентрации насы-

щенных жирных кислот на 7 %. Первичная активация ПОЛ способствует росту активности липолизитических ферментов, о чем свидетельствует двух-трехкратное повышение активности фосфолипазы А-2 в тромбоцитах периферической крови человека после АУФОК. Фосфолипаза А-2 вызывает рост свободных форм ненасыщенных жирных кислот на 15 — 20 %.

Ненасыщенные жирные кислоты, активно образующиеся при ультрафиолетовом облучении, могут выполнять роль субстратов в различных биосинтетических процессах. Так, показано, что уменьшение содержания арахидоновой кислоты в тромбоцитах на 21 % при УФО тромбомассы в дозе 1560 Дж/м² приводит к усилению биосинтеза тромбоксана и простагландинов в 4 раза. Отставание потребления арахидоновой кислоты от прироста простагландина Н-2 может быть связано с интенсификацией обмена между тромбоцитами и внесклеточной жидкостью.

Это обстоятельство может иметь практическое значение, так как простагландины и тромбоксаны играют значительную роль в регуляции тромбоцитарной агрегации, а следовательно, и в регуляции свертывания крови. Поэтому нам представляется интересным практическое использование УФО донорской и аутотромбомассы при тромбоцитарной недостаточности с целью усиления тромбоцитарного звена гемостаза у больных с тромбоцитопеническими кровотечениями.

Другим немаловажным моментом изучения лечебного действия УФО компонентов крови является факт повышения каталазной активности эритроцитов на 36 % под воздействием плазмы, облученной УФИ дозой 712 Дж/м², причем этот эффект проявляется не только *in vitro*, но и *in vivo* [11].

Очевидно, под влиянием УФИ плазма образует «факторы клеточной моди-

фикации», что открывает хорошие перспективы для применения УФО аутоплазмы в хирургии.

Широкое использование в клинической практике УФО тромбоцитов, лейкоцитов и плазмы затруднительно из-за обилия эритроцитов в цельной крови. Для практического решения этой задачи нами разработан способ облучения лейкотромбоцитарной плазмы, при котором эритроциты осаждаются центрифугированием в специальной системе, состоящей из последовательно соединенных пластиковых контейнеров, а обогащенная лейкоцитами и тромбоцитами плазма облучается в специальном ультрафиолетовом облучателе и возвращается больному. Это позволяет модифицировать большее число лейкоцитов и тромбоцитов. Существенную роль в данной методике играет фактор влияния облученной плазмы на форменные элементы крови. По нашему мнению, это может повысить модификационный эффект, а следовательно, улучшить результат лечебного действия.

В комплексе лечебного плазмафереза нами уже неоднократно применялся метод аутоаплазфузии УФО взвеси эритроцитов. Основные его преимущества перед АУФОК заключаются в пролонгировании детоксикационного и антиоксидантного эффектов плазмафереза. Применение этого метода в лечении тяжелых форм острых гнойных и гангренозных абсцессов легких позволило значительно улучшить клинические результаты и дать высокий экономический эффект (от 2500 до 4000 руб. на одного больного в ценах июля 1992 года).

Таким образом, проведенные исследования позволяют констатировать возникновение нового хирургического направления — модификационной трансфузиологии, развитие которого может предопределить успех многих разделов современной медицинской науки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Действие облученной аутоплазмы на организм контактных собак / Ю. И. Бобков, О. Е. Колесова, Л. М. Алексеева и др. // Экспериментально-клиническое использование оптического излучения в медицине. Саранск, 1991. С. 12 — 16.

2. Изменение центральной гемодинамики при АУФОК у больных хроническими заболеваниями легких / М. Д. Романов, П. И. Карпушкин, И. А. Лисенков и др. // Экспериментально-клиническое использование оптического излучения в медицине. Саранск, 1991. С. 88 — 91.

3. Изучение медико-биологических последствий фотобиологического действия оптического излучения в медицине: Отчет по научно-исследовательской работе / Мордов. ун-т; Руководитель работы Р. Е. Киселева. Заказ-наряд № 53/9—89. Саранск, 1991. 91 с.

4. Константинов В. К. Об эффективности УФ-облученной крови при лечении больных // Светотехника, 1988. № 11. С. 14 — 16.

5. Молекулярный механизм действия АУФОК / Р. Е. Киселева, Л. С. Дорофеева, Н. В. Альба, А. А. Сосунов // Эксперименталь-

но-клиническое использование оптического излучения в медицине. Саранск, 1991. С. 48 — 53.

6. Иммунологическая резистентность при УФ-облучении крови у больных с гнойно-воспалительными заболеваниями / И. Н. Пиксин, М. Д. Романов, В. М. Мамыкина, Н. А. Авдеева // Экспериментально-клиническое использование оптического излучения в медицине. Саранск, 1991. С. 119 — 124.

7. Пиксин И. Н. Аутотрансфузии крови при хирургических вмешательствах. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1991. 140 с.

8. Роль форменных элементов крови в реализации антиокислительного эффекта ультрафиолетового облучения / С. П. Бякин, И. Н. Пиксин, Р. Е. Киселева и др. // Применение ультрафиолетового облучения крови в медицине. Саранск, 1992. С. 111 — 118.

9. Рощупкин Д. И., Аносов А. К., Мурина М. А. Фотопрераспределение мембранных липидов и их роль в изменении функций мембран под воздействием оптического излучения // Молекулярные механизмы действия оптического излучения. М., 1988. С. 91 — 102.

* * * * * ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА И ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ ЗЛОКАЧЕСТВЕННЫМИ ОПУХОЛЯМИ НАСЕЛЕНИЯ МССР

П. И. ШЕЛЕСТЮК, А. Ф. ФРОЛОВ, доктора медицинских наук;

И. В. БЕГОУЛОВ, кандидат медицинских наук;

Э. Н. МИРОНОВ, Г. Г. МЕЛЬЦАЕВ, врачи

Гигиеническое изучение состояния воздушной среды, почвы, воды открытых водоемов, источников местного и центрального водоснабжения и осадков сточных вод на территории республики свидетельствует о неблагоприятной экологической ситуации. Вызывает тревогу стабильное присутствие во всех биосферах ряда тяжелых металлов в высоких концентрациях. Загрязнение окружающей среды сопровождается накоплением токсинов в организме людей, в том числе канцерогенов. Наши данные подтверждают, что уровень заболеваемости раком и экологическая обстановка взаимосвязаны [2]. К сожалению, эта патология раз-

ной локализации получает злое распространение [1; 3].

Нами изучена заболеваемость злокачественными опухолями населения МССР за 10 лет — с 1980 по 1990 г. По данным на 1989 г., в среднем этот показатель составил 262,8 (по РСФСР — 263) на 100 000 населения. Если в 1980 г. по МССР зарегистрировано 1 838 больных с этой патологией, то в 1990 г. — 2 678. Показатель заболеваемости на 100 000 населения составил соответственно 184,2 и 277,8. Число заболевших злокачественными новообразованиями кроветворных органов и лимфатической системы увеличилось с 9 % в 1980 г. до 12,1 % в 1990 г. Пока-

Затем показатель онкологической заболеваемости у детей в возрасте до 14 лет в 1980 г. составил 0,3 %, а в 1990 г. — 1,8 %.

Заболеваемость злокачественными новообразованиями городского населения МССР за указанные годы возросла с 189,3 до 274,2, а сельского населения — с 179,4 до 282,7 на 100 000 жителей. Приведенные цифры свидетельствуют о том, что темпы роста заболеваемости сельского населения выше, чем городского.

За период с 1980 по 1990 г. структура заболеваемости злокачественными новообразованиями существенно не изменилась: на первом месте стоят опухоли желудка, на втором — легкого, бронхов, трахей, на третьем — кожи, на четвертом — молочной железы, на пятом — толстой и прямой кишок, на шестом — губы, седьмое и восьмое места поделили опухоли гортани и полости рта, шейки и тела матки, девятое место заняли опухоли пищевода.

Анализ заболеваемости злокачественными опухолями показал, что мужчины заболевают в 1,1 раза чаще, чем женщины. За период с 1980 по 1990 г. показатели онкологической заболеваемости возросли (в абсолютных цифрах) у мужчин с 832 до 1 359, у женщин — с 1 006 до 1 319. Структура заболеваемости злокачественными опухолями у мужчин и женщин неодинакова. По данным за 1980 г., у мужчин первое место занимали опухоли желудка, второе — легких, третье — губы, четвертое — кожи, пятое — пищевода, шестое — гортани, седьмое — прямой кишки, восьмое — слизистой рта и глотки. Спустя 10 лет первое место заняли опухоли легких, второе — желудка, третье — кожи, четвертое — губы, пятое — мочевого пузыря, шестое — гортани, седьмое — пищевода, восьмое — прямой кишки.

За указанный период у женщин изменений в структуре заболеваемости злокачественными опухолями не произошло: первое место занимали опухоли желудка, второе — молочной железы, третье — кожи, четвертое — шейки матки, пятое — легкого, шес-

тое — прямой кишки, седьмое — пищевода, восьмое — губы и полости рта и девятое — гортани. Уменьшился удельный вес опухолей желудка, шейки матки, пищевода, в то же время больше стало опухолей молочной железы, кожи, легкого, прямой кишки.

Своеобразие структуры заболеваемости у мужчин и женщин позволяет подвергнуть детальному анализу данную патологию только тех локализаций, которые по своей частоте занимают первые места или имеют тенденцию к дальнейшему росту: злокачественные новообразования желудка, молочной железы, легкого, толстой кишки, кожи и лимфатической системы.

За 1980—1990 гг. стандартизованные показатели заболеваемости злокачественными опухолями желудка у мужчин снизились с 52,5 до 51,2, у женщин — с 47,5 до 45,7 на 100 000 населения.

В связи с тем, что мужчины болеют раком легкого в среднем в 6 раз чаще женщин, мы проанализировали распространение данной патологии только у мужского населения. Отмечен неуклонный рост заболеваемости опухолями легкого: с 24,4 (1980 г.) до 43,8 (1990 г.) на 100 000 населения, что обусловлено как улучшением диагностики и регистрации заболевших, так и усилением влияния различных факторов внешней среды.

В последнее время отмечается постоянный рост заболеваемости злокачественными опухолями молочной железы у женщин — с 12,1 в 1980 г. до 20,3 на 100 000 населения в 1990 г.

Вызывает тревогу увеличение количества опухолей толстой и прямой кишок. Стандартизированный показатель этого вида новообразований увеличился соответственно с 5,1 до 9,5 и с 4,8 до 8,9 на 100 000 населения. Стандартизированный показатель заболеваемости женского населения МССР злокачественными опухолями шейки матки снизился с 7,8 до 5,7 на 100 000 населения. По-видимому, это объясняется тем, что проводились массовые профилактические обследо-

вания женского населения с последующим рациональным лечением больных с предопухолевыми состояниями. Особую роль в комплексе профилактических мероприятий играют обследования женщин с применением цитологического метода исследования соскобов с шейки матки и цервикального канала.

Заболеваемость раком тела матки увеличилась за десятилетие с 5,2 до 7,6 на 100 000 населения. Аналогичная ситуация отмечается по поражению злокачественными опухолями кровеносной и лимфатической ткани. Этот показатель вырос с 9,0 % в 1980 г. до 12,1 % в 1990 г.

Заболеваемость злокачественными опухолями с возрастом увеличивается. Доля мужчин в возрасте 50 лет и старше с впервые установленным диагнозом злокачественной опухоли в 1990 г. составила 84,3 %, а женщин — 82,1 %. У мужчин отмечается увеличение заболеваемости опухолями легкого, гортани, прямой кишки, полости рта и кожи начиная с возраста 40 — 49 лет. Поражение злокачественными опухолями желудка и губы снижается во всех возрастных группах.

При обследовании женщин установлено, что максимум заболеваемости опухолями всех локализаций приходится на возраст 65 лет и стар-

ше, только новообразования шейки матки и молочной железы поражают их раньше — соответственно в 50 — 54 и 60 — 64 года. Эти особенности должны учитываться при профилактических осмотрах женского населения. Особое внимание должно быть обращено на проведение диспансеризации так называемого «неорганизованного» населения. Наиболее перспективной формой массовых профилактических обследований женщин является скрининговая система с использованием специальных анкет, с дальнейшей их обработкой на ЭВМ и формированием групп повышенного риска. Не менее важной формой своевременного выявления предопухолевых заболеваний и ранних стадий злокачественного процесса остаются осмотры, проводимые в смотровых кабинетах лечебно-профилактических учреждений с обязательным использованием цитологического метода исследования.

Таким образом, представленные в настоящей работе данные свидетельствуют о повышении уровня онкологической заболеваемости в МССР. Темпы ее роста выше у сельского населения. Это, по нашему мнению, свидетельствует о неблагоприятной кондерогенной обстановке в республике, что подтверждается исследованиями гигиенистов и экологов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Двойрин В. Н., Старинский В. В., Трапезников Н. Н. Информационное обеспечение планирования и оценки Российской противораковой программы / ОНЦ РАМН. М., 1992. 154 с.

2. Фролов А. Ф., Шелестюк П. И., Бессонов И. В. Экологическая обстановка и заболеваемость злокачественными опухолями населения Мордовии // Материалы 2-й Всероссий-

ской учебно-методической и научно-практической конференции, посвященной проблеме экологического обучения и воспитания студентов медицинских и фармацевтических вузов. М., 1992. С. 229 — 230.

3. Hulka B. S. Cancer screening. Degree of proof and practical application // Cancer. 1988. № 62. P. 1776 — 1780.

ПАТОГЕНЕЗ ОСТРОЙ ПОЧЕЧНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТИ ПРИ ШОКОГЕННОЙ КОМБИНИРОВАННОЙ ТРАВМЕ В ЭКСПЕРИМЕНТЕ

А. Н. БЕЛЯЕВ, кандидат медицинских наук,
Е. В. РЯЗАНЦЕВ, ассистент, **А. А. УСАНОВА**, ассистент,
И. Б. ТАРАТЫНОВ, аспирант, **Ю. М. КУЧЕРЕНКО**, студент

Одной из характерных особенностей нашего века является массовый травматизм среди населения вследствие катастроф, вызванных природными катаклизмами или технологической деятельностью человека. По данным Госкомитета по чрезвычайным ситуациям, количество технологических катастроф за год возрастает в 6 раз, аварий на железных дорогах — в 2,5 раза. Статистически ожидаемое увеличение чрезвычайных ситуаций в 1993 г. — в 2,4 раза.

Для природных и технологических катастроф характерно действие одновременно или последовательно динамических (механических) и термических факторов, вызывающих разнообразные множественные, комбинированные, сочетанные травмы разной степени тяжести с реальной угрозой для жизни пострадавших в 25 — 30 % случаев [11]. При использовании термоядерного оружия более 75 % всех санитарных потерь будут связаны с ожогами в сочетании с механическими травмами, радиационными поражениями и кровопотерей [10; 13]. При авиакатастрофах потери могут достигать 80 — 90 %, причем у 10 — 20 % пострадавших возможны комбинированные и сочетанные травмы [14; 16].

Отличительной чертой поврежденный хирургического профиля в чрезвычайных ситуациях является развитие таких тяжелых осложнений, как травматический и ожоговый шок, острая кровопотеря [1—4; 13]. При этом сложение повреждающих факторов в результате взаимного отягощения приводит к развитию качественно отличающегося состояния [4; 13]. У пораженных с комбинированными травма-

ми необходимо выделить ведущее звено, которое в данный момент определяет тяжесть полученного повреждения. Следует иметь в виду, что в процессе клинического течения значимость компонентов травмы может меняться [17]. В постранимационном периоде возможно поражение отдельных органов или полиорганная патология [8; 9; 18], что приводит к тяжелому его течению, ухудшению прогноза в ранние сроки. Летальность при этом остается высокой, достигая 15 — 30 %, и существенной тенденции к ее снижению в последние годы не наблюдается, несмотря на использование в практике новых средств и методов терапии [6; 7].

Комплекс клинических синдромов, возникающих при шоке, свидетельствует о сложности патологического процесса, не все стороны которого достаточно изучены [12; 15]. Редко встречаются публикации, посвященные общей теории шока, его формированию и развитию, отсутствуют данные о наличии специального механизма вывода из этого состояния. Принятые термины, характеризующие шоковый орган («шоковая печень», «шоковая почка» и др.), приобретают порой самостоятельное значение и далеко не всегда являются эквивалентом шока как такового, ибо изменения, обнаруживаемые в клетках данных органов, свойственны любому тяжелому гипоксическому состоянию. В этом кроется одна из причин возникшего разрыва между теорией и практикой относительно проблемы шока [4 — 6].

При тяжелых комбинированных травмах в 35 — 39 % наблюдений возникают нарушения выделительной функции почек [13]. В большинстве

случаев в ранние сроки они носят функциональный характер и обусловлены длительным снижением артериальной почечной перфузии до 5 % от нормы с уменьшением клубочковой фильтрации до 30 — 40 мл/мин вплоть до полного прекращения диуреза. В результате синдрома «шоковая почка» организм теряет способность к регуляции электролитного, водно-солевого и кислотно-основного состояния. У 2,4 % больных возникают почечные дисфункции с развитием нефросклероза и острой почечной недостаточности (ОПН) [9]. После ликвидации шока и ОПН нарушения функции почек, как правило, сохраняются [13].

Несмотря на значительное количество работ, посвященных ОПН, патогенез ее при комбинированных поражениях остается недостаточно выясненным. Одним из видов комбинированной травмы, дающим возможность детально рассмотреть в динамике развитие ОПН, является сочетание локального глубокого термического ожога и острой массивной кровопотери, ведущих к развитию предагонального состояния.

Нами выполнены эксперименты на 25 беспородных собаках обоего пола массой от 5,6 до 28,1 кг. Под внутриплевральным тиопентал-натриевым наркозом (48 — 50 мг/кг) на переднебоковую поверхность грудной клетки слева наносили стандартный глубокий (IIIБ — IV степени) термический ожог 5 % поверхности тела до прогревания подкожно-жировой клетчатки в пределах 58 — 60°С под контролем термодатчика. Через 3 — 4 мин осуществляли свободное кровопускание свежегепаринизированной крови (50 ЕД/кг) из правой бедренной артерии до развития предагонального состояния (АД снижали до 40 — 43 мм рт. ст.). Объем кровопотери составил $24,75 \pm 3,48$ мл/кг ($P < 0,001$).

По условиям опыта лечебные мероприятия животным не проводились. В исходном состоянии, на высоте травмы, через 30 мин после нее, а также через 1 и 1,5 ч исследовали функциональные почечные показатели (минут-

ный диурез, удельный вес мочи, клубочковую фильтрацию, канальцевую реабсорбцию воды, эффективный почечный плазмоток и кровоток и фильтрационную фракцию плазмы), азотистые шлаки (креатинин, мочевины, азот мочевины, свободный аминный азот), электролиты (калий, натрий, хлор, кальций).

Ожог в сочетании с острой массивной кровопотерей у всех подопытных животных вызывает развитие предагонального состояния, сопровождающегося значительными расстройствами центральной, периферической гемодинамики и органного, в частности почечного, кровотока. Эффективный почечный плазмоток и кровоток уменьшились до 4,7 и 5,1 % от исходных величин (13,42 и 23,36 мл/мин соответственно). Снижение системного АД и кровотока в почках приводило к падению фильтрационного давления в клубочках, прекращению фильтрации. Клубочковая фильтрация за первый час составила всего 5,48 мл/мин (на исходе $58,16 \pm 16,79$ мл/мин). В результате сразу после травмы наступала анурия.

Калий на высоте травмы повышался на 40 % (до 5,0 — 5,3 ммоль/л), что следует рассматривать как ранний признак необратимого состояния. Динамика натрия, хлора не достоверна. Уровень азотсодержащих веществ возрастал в 1,4 — 2 раза: мочевины с 4,8 до 6,9 (на 44 %), креатинина — с 0,06 до 0,12 (на 100 %), азота мочевины — с 2,34 до 3,25 (на 38 %). Гиперазотемия и гиперкалиемия прогрессивно нарастали, и на фоне отсутствия диуреза, сердечно-сосудистой и дыхательной недостаточности все животные погибали в первые 1,5 ч.

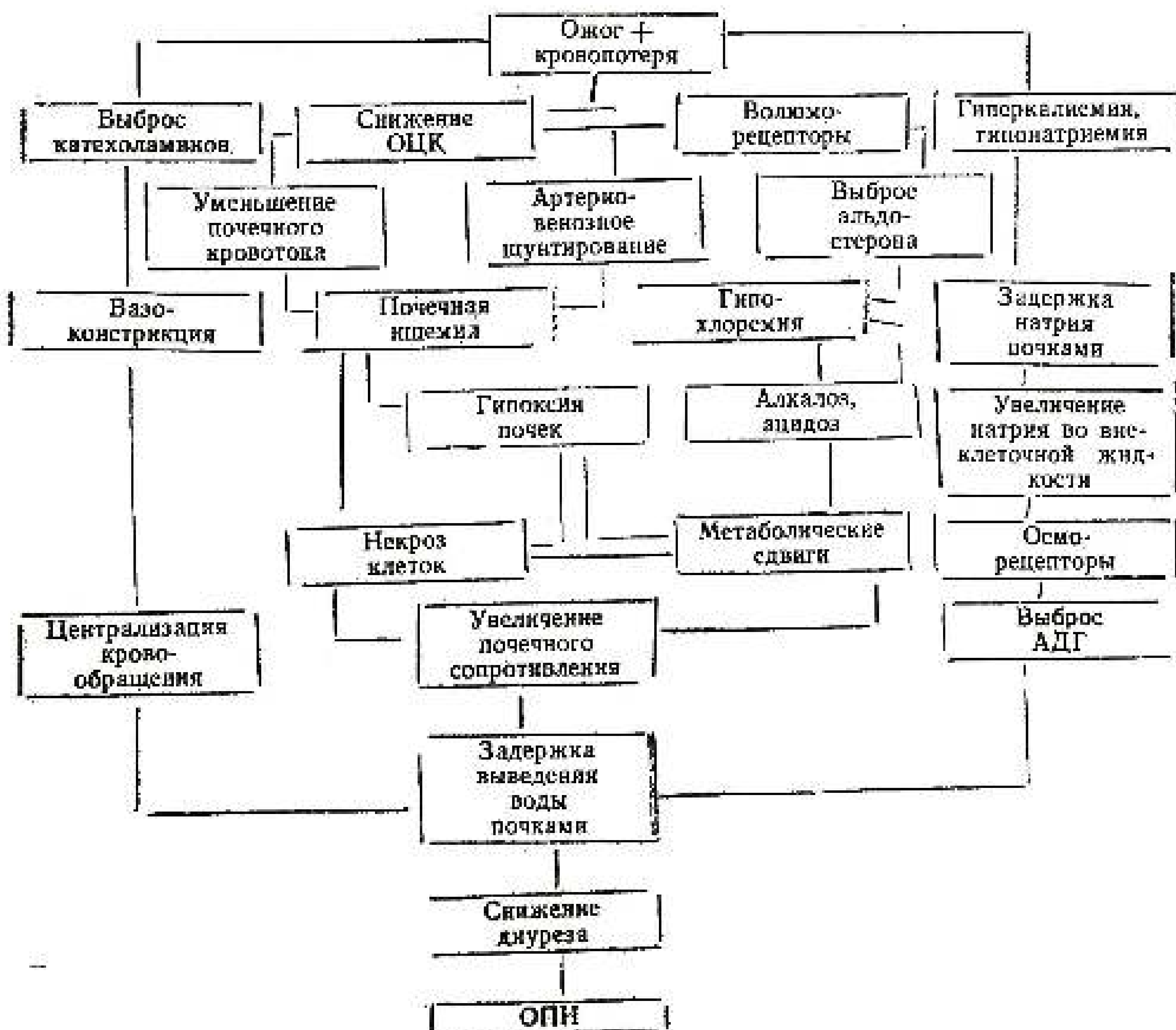
Существует распространённое мнение [7], что острая почечная недостаточность развивается по следующей схеме: шок — почечная ишемия — почечная гипоксия — некроз канальцев и другие изменения — острая почечная недостаточность. Информация об утилизации кислорода почками делает эту простую цепь маловероятной. Если шок и играет какую-то роль, он дей-

ствуется наряду с другими агентами. Интерстициальный отек создает давление, достаточное для закрытия канальцев. Критическим фактором является градиент между внутриканальцевым и интерстициальным давлением. Если скорость фильтрации и мочеотделения очень низкая и, следовательно, внутриканальцевое давление также мало, то достаточно небольшого повышения интерстициального давления, чтобы вызвать закупорку канальцев. Предположение о стойкой вазоконстрикции твердо не подтверждено [7].

На основании проведенных исследований по изучению центральной гемодинамики, почечного кровотока, функциональных почечных показателей, данных электролитного и азотистого баланса мы выявили, что при данной модели комбинированной травмы в 100 % случаев возникает ОПН. Нарушение периферического кровотока при комбинированной шокогенной травме проявляется значительнее и раньше в почках, приводя к резкому уменьшению скорости клубочковой фильтрации (схема). Ост-

Схема

Патогенез острой почечной недостаточности при комбинированных поражениях

рая кровопотеря, гипоксемия и усиленный выброс норадреналина надпочечниками ведут к ишемии почек, спазму почечных сосудов, снижению почечной фильтрации. Вазоконстрикция усиливает выброс ренина и способствует прогрессированию спазма сосудов, более резкому снижению почечной фильтрации, задержке натрия и воды в тканях, усугубляя течение шока и почечной недостаточности.

Спазм почечных сосудов, последующая ишемия содействуют центра-

лизации кровообращения, являясь в то же время главным фактором развития почечной недостаточности.

Таким образом, патогенез острой почечной недостаточности при комбинированных (ожог + кровопотеря) поражениях сложен, многогранен, почечные изменения коррелируются с расстройствами других жизненно важных органов, поэтому, видимо, следует говорить скорее о полифункциональной органопатологии, осложненной ОПН.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арлов Т. Я. Термические поражения. Л.: Медицина, Ленингр. отд-ние, 1966. 704 с.
2. Агасов Н. И., Боларинов Г. А. Внутреннее нагнетание крови при шоке и терминальных состояниях / Мордов. ун-т. Саранск, 1979. 106 с.
3. Агасов Н. И. Система активного хирургического лечения тяжелообожженных // Вестн. хирургии. 1990. № 2. С. 136 — 139.
4. Агасов Н. И., Лазарев В. А., Матчин Е. Н. Влияние на венозное русло печени в лечебных и диагностических целях у тяжелообожженных. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1993. 148 с.
5. Берхин Е. Б., Иванов Ю. И. Методы экспериментального исследования почек и водно-солевого обмена. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1972. 199 с.
6. Братусь В. Д., Шерман Д. М. Геморрагический шок: Патофизиология и клинические аспекты. Киев: Наукова думка, 1989. 303 с.
7. Вейль М. Г., Шубин Г. Диагностика и лечение шока: Пер. с англ. М.: Медицина, 1971. 328 с.
8. Гологорский В. А., Гельфанд Б. Р., Багдасаров В. Е. и др. Печеночно-почечный синдром как компонент полиорганной недостаточности у больных с инфекционно-токсическим шоком // Анестезиол. и реаниматол. 1985. № 4. С. 3 — 7.
9. Золотокрылкова Е. С. Полиорганная патология в постреанимационном периоде у больных с массивной кровопотерей и травмой: патогенез, клиника, лечение // Центральная нервная система и постреанимационная патология организма: Тр. междунар. симпозиума посвященного 80-летию акад. АМН СССР В. А. Неговского (14 — 16 марта 1989 г.). М., 1991. С. 219 — 226.
10. Кузин М. И. Возможности оказания медицинской помощи в условиях ядерной войны // Вестн. АМН. 1983. № 4. С. 11 — 14.
11. Мешков В. В. Медико-тактическая характеристика природных и технологических катастроф: Понятие и классификация // Организация экстренной медицинской помощи населению при стихийных бедствиях и других чрезвычайных ситуациях / Под ред. В. В. Мешкова. М., 1991. С. 11 — 14.
12. Паужова В. И., Папаян А. В. Почечная недостаточность у детей. М.: Медицина, 1991. 288 с.
13. Окунева Н. А. Функция почек при ожоге, осложненном острой массивной кровопотерей, и различных путях ее восстановления: Дис. ... канд. мед. наук. Челябинск, 1985. 205 с.
14. Рассолов Н. А. Медико-тактическая характеристика авиационных катастроф // Организация экстренной медицинской помощи населению при стихийных бедствиях и других чрезвычайных ситуациях / Под ред. В. В. Мешкова. М., 1991. С. 46 — 50.
15. Хайдукова В. Т. Функциональные свойства тромбоцитов при ожоговой травме: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Челябинск, 1989. 16 с.
16. Царев Б. М. Особенности поражений хирургического профиля при катастрофах. Современные взгляды на хирургическую тактику и лечение ран и раневой инфекции // Организация экстренной медицинской помощи населению при стихийных бедствиях и других чрезвычайных ситуациях / Под ред. В. В. Мешкова. М., 1991. С. 117 — 122.
17. Царев Б. М., Кижанов Е. И., Вавилов М. И. Особенности течения и хирургическая тактика при комбинированных поражениях // Там же. С. 135 — 139.
18. Царевский Н. И. Коррекция нарушений функции почек при термической травме: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Горький, 1990. 19 с.

ЛАЗЕРНАЯ МОДУЛЯЦИЯ ИММУНИТЕТА ПРИ ВОСПАЛИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ ГЕНИТАЛИЙ У ЖЕНЩИН

Л. П. ПЕШЕВ, кандидат медицинских наук,
Е. В. БЕЛИКОВА, С. В. ЕЛЬЧЕВА, ординаторы

Воспалительные процессы гениталий занимают ведущее место в структуре заболеваемости у женщин. Трудности терапии данной патологии в современных условиях заключаются в полиморфности возбудителей заболеваний, а также в снижении иммунологической реактивности организма, обусловленном неблагоприятной экологической, производственной и социально-бытовой обстановкой [1]. В то же время последний фактор оказывает отрицательное влияние на эффективность терапии воспалительных процессов и состояние физического здоровья женщин в целом, так как функциональная неполноценность иммунного гомеостаза затягивает сроки лечения; способствует хронизации процесса, что неизбежно сказывается на репродуктивной функции пациенток.

Как свидетельствует практика, применение иммуномодуляторов в комплексной терапии воспалительных процессов значительно повышает эффективность лечения; однако многие из существующих медикаментозных препаратов, стимулирующих иммунитет, — тимоген, левамизол (декарис) и другие, вызывают, к сожалению, аллергические реакции [1; 2], в связи с чем возникает настоятельная необходимость поиска более совершенных способов повышения иммунитета.

В этом плане заслуживает пристального внимания низкоинтенсивное лазерное излучение. Рядом исследований, проведенных в последние годы [2 — 4], доказано многообразное положительное влияние лазерного излучения на жизненно важные процессы в

организме человека и животных — активизацию ферментативных реакций на уровне клетки, нормализацию перекисного окисления липидов, стимуляцию кровотока в тканях и др. Перечисленные биоэффекты позволяют сделать предположение о целесообразности его использования для модуляции иммунитета у больных воспалительными процессами, однако сведений по данному вопросу в доступной нам литературе не встретилось. Это послужило основанием для выполнения клинико-лабораторных исследований по выяснению биомеханизмов влияния гелий-неонового лазерного излучения на клеточный и гуморальный звенья иммунитета у больных с наиболее часто встречающимися воспалительными процессами гениталий: кольпитом, метроэндометритом, аднекситом.

Состояние иммунитета у пациенток изучали путем определения содержания в крови Т-, В-лимфоцитов, иммуноглобулинов М, G, А методом радиальной иммунодиффузии в теле с применением моноспецифических антисывороток. Параллельно исследовали в динамике активность фагоцитоза, а также индекс неустойчивости нейтрофилов, определяемых методом люминесцентной микроскопии.

Наряду с изучением клинико-лабораторных показателей эффективность лечения контролировали также путем определения в динамике интенсивности кровотока в матке и придатках с использованием разработанной нами методики вагинальной биполярной реогистерографии. О характере изме-

нений артериального кровоснабжения в процессе лечения судили по показателям РИ, АЧП, V_{max} , V_{cr} , а венозного оттока крови — по изменению значений индексов $\alpha/T \times 100$ и β .

Всего обследованы 175 женщин, 30 из которых страдали кольпитом, 34 — метроэндометритом, 51 — двусторонним острым аднекситом. Контрольную группу составили 60 здоровых женщин-доноров. Возраст больных равнялся в среднем $28 \pm 4,6$ года. По данным общесоматического и акушерско-гинекологического анамнезов основная и контрольная группы были сопоставимы. Длительность заболевания кольпитом у 18 женщин составляла менее 7 дней, у 12 — 8 и более дней. При микроскопическом анализе мазков из влагалища отмечено преобладание условно-патогенной флоры в 57 % случаев, в 43 % наблюдений имелась смешанная инфекция. Существенных различий в структуре возбудителей воспалительных процессов в матке и придатках по сравнению с флорой, обнаруженной при кольпите, нами не выявлено, что свидетельствует о преобладании восходящего пути инфицирования внутренних гениталий у женщин репродуктивного возраста.

Из числа поступивших в стационар с явлениями аднексита 23 женщины связывали начало заболевания с переохлаждением, у 19 обострился хронический процесс, в 9 случаях причину возникновения воспалительного процесса установить не удалось.

Исследование иммунного статуса больных позволило выявить ряд патологических сдвигов как в клеточном, так и в гуморальном звеньях иммунитета. На фоне незначительного ($P > 0,05$) повышения абсолютного количества лейкоцитов в крови у больных воспалительными процессами внутренних гениталий при поступлении отмечено резкое, более чем на 25 %, снижение активности фагоцитоза по сравнению с аналогичными показателями в группе здоровых женщин. При более углубленном изучении состояния иммунной реактивности у женщин этой группы до лечения были выявлены од-

нонаправленные изменения показателей иммунитета, заключающиеся в достоверном ($P < 0,01$) снижении содержания лимфоцитов в периферической крови. В общей популяции лимфоцитов отмечено уменьшение абсолютного количества как Т-клеток, так и В-лимфоцитов. Одновременно имелась выраженная гипоиmmуноглобулинемия, причем в наибольшей степени указанные явления выражались в снижении иммуноглобулинов G (на 38 % по сравнению с контрольной группой) ($P < 0,01$). Совокупность выявленных изменений можно квалифицировать как вторичный иммунодефицит, вызванный воздействием бактериотоксического фактора, однако нельзя исключить, по-видимому, и первичную функциональную недостаточность иммунной системы у пациенток, которая и послужила одной из причин возникновения воспалительного процесса.

Больным проводилась комплексная терапия соответственно нозологической форме заболевания.

Пациентки с кольпитом условно были разделены на 2 группы. Первой группе назначали общепринятую терапию, т. е. ванночки с дезинфицирующими и противовоспалительными средствами (нитрофураны, перекись водорода, настойка ромашки), мазевые тампоны с антибиотиками, таблетки метронидазола интравагинально и др. Второй группе больных в комплекс терапии дополнительно включали облучение стенок влагалища гелий-неоновым лазерным излучением выходной мощностью 15 мВт в постоянном режиме; продолжительность сеанса 3 минуты. Курс лазеротерапии составлял в среднем 10 дней.

Больным воспалительными процессами внутренних гениталий лечение назначали с учетом тяжести клинического течения заболевания. В комплексную терапию 40 пациенткам включали антибиотики широкого спектра действия в сочетании с производными 5-нитроимидазола, нитрофуранами, сульфаниламидами; общеукрепляющие, антигистаминные средства, витамины. По показаниям проводили ин-

фузионно-трансфузионную терапию с целью детоксикации, а также коррекции коагуляционных и реологических нарушений гемодинамики. Эти больные составили первую группу. Второй группе женщин (45 человек) помимо базисной терапии дополнительно проводили лазеротерапию, которая состояла из ежедневных облучений влагалищной части шейки матки гелий-неоновым лазером. Параметры и курсовая доза облучения были те же, что и при лечении кольпита.

Полученные результаты свидетельствуют, что лазеротерапия оказывает выраженное лечебное действие, вызывает быстрое купирование болевого синдрома, уменьшает воспалительный отек пораженных тканей, улучшает самочувствие, нормализует сон. Женщины, страдавшие кольпитом, после 2 — 3 сеансов лазеролечения отметили исчезновение зуда, выделений из половых путей, уменьшались сопутствующие дизурические расстройства. У больных аднекситами и метроэндометритом в среднем на 3 — 4 дня раньше, чем при обычной терапии, уменьшалась инфильтрация тканей матки и придатков, околomatочной клетчатки, исчезали боли тянущего характера в нижних отделах живота и поясничной области. Это свидетельствует о нормализации кровообращения в матке и придатках.

Результаты реографических и иммунологических исследований подтвердили выраженный терапевтический эффект лазерного излучения. После

1 — 2 сеансов лазеротерапии у больных на реограммах повышались значения РИ, АЧП, V_{max} , в среднем на 9,6 % ($P < 0,05$), что указывало на стимуляцию регионарного артериального кровотока, в то же время катакrotический отрезок реографической волны становился более пологим, т. е. снимался спазм сосудов и нормализовался венозный отток крови. Этим мы объясняем более быстрое исчезновение отека воспалительно измененных тканей у больных после лечения лазером.

При анализе иммунограмм, полученных до и после лазеротерапии, отмечались существенные положительные сдвиги в процентном соотношении глобулиновых фракций крови. Количество иммуноглобулинов А увеличилось на 28,3 % ($P < 0,05$), иммуноглобулинов G — на 34,1 % ($P < 0,05$). В группе больных после проведения только базисной терапии эти показатели изменялись соответственно на 23,0 ($P < 0,05$) и на 13,1 % ($P > 0,05$), т. е. под влиянием лазерного излучения происходила активация гуморальных факторов иммунной защиты организма.

Полученные результаты дают основание считать, что низкоинтенсивное гелий-неоновое лазерное излучение является высокоэффективным иммуномодулирующим средством, поэтому его целесообразно использовать в комплексной терапии воспалительных процессов наружных и внутренних гениталий у женщин для коррекции расстройств иммунного гомеостаза.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Иммунологические изменения у женщин с бесплодием воспалительного генеза и их коррекция // Л. И. Иванюта, И. Б. Вовк, С. П. Чернышова, А. Г. Рошина // Акушерство и гинекология. 1992. № 8 — 12. С. 45 — 48.
2. Использование низкоинтенсивного и инфракрасного импульсного лазерного излучения для лечения различных гинекологических заболеваний / М. А. Каплан, Л. И. Гусева, В. С. Карняцкая, О. Ю. Воронина // Тез. докл. Междунар. конф. «Лазеры и медицина». Таш-

кент, 1989. М., 1989. С. 85.

3. Лазерное воздействие на кровь как метод профилактики воспалительных осложнений после кесарева сечения / В. И. Краснополский, Г. К. Соловьева, В. В. Коршова // Акушерство и гинекология. 1989. № 11. С. 46 — 48.

4. Тимоген в комплексном лечении воспалительных заболеваний женской половой системы / Ю. В. Цвелев, В. Х. Хавиризон, А. В. Дячук и др. // Акушерство и гинекология. 1992. № 2. С. 54 — 57.

Сельское хозяйство

О КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

И. Ф. КАРГИН, В. А. КОКОРЕВ, доктора
сельскохозяйственных наук

Возрождение России, повышение благосостояния народа связано с возрождением земледелия. Все другие проблемы бледнеют по сравнению с этой задачей.

Истоки продолжающегося разорения земледелия кроются в отсутствии четкой концепции государственной политики в области сельского хозяйства. Сегодня панацеей от всех бед объявлена земельная реформа. Но без государственной поддержки может разориться и фермер, и колхоз (совхоз), и ассоциация. Трагедия заключается в том, что вся история нашего государства есть история его борьбы с земледельцем.

Первым экспериментом, оказавшим пагубное влияние на земледелие, была реформа местного самоуправления, предпринятая Иваном Грозным для пополнения казны, которая, несмотря на свою кажущуюся безобидность, оказала разрушительное воздействие на земледелие страны и привела к полному его разорению. В соответствии с этой реформой были выбраны местные властители, которые заменили правительственных. Ее авторы ожидали резкого увеличения доходов за счет земледельцев-крестьян, но не прошло и 10 лет, а поступления в казну резко сократились. Выборные правители взимали налоги бесконтрольно и с особой жестокостью, в результате крестьяне были вынуждены бросать свои земли, дома и бежать.

В 1565 г. Иван Грозный учредил опричнину, которая должна была изъять 100 000 рублей «от земской казны». Он все еще полагал, что земство богато, а налоги не платило по лихоимству и

ввиду измены бояр. Опричнина привела к окончательному разорению земледельческого населения страны. Крестьяне бежали в монастыри, на свободные земли. Документы тех лет свидетельствуют о страшном запустении. В четырех погостах Корельского уезда, например, по писцовой книге Китаева 1500 г., было 1020 сох и 3060 тягловых людей. К 1570 г. их число сократилось соответственно до 60 и 180 [17]. В 1572 г. опричнина была отменена, но результаты этой политики привели страну к страшным последствиям. Джером Горсей в своих путевых заметках пишет, что «в 1575 году вслед за моровым поветрием начался большой голод, уничтоживший лучших людей» [3, с. 92].

Подчинение интересов земледельцев завоевательной политике государства привело к возникновению крепостного права, что надолго остановило развитие земледелия страны. К концу XV века единственным способом обеспечения службы служилого человека стало наделение его землей с правом пользования трудом крестьян. Таким образом, заботы по защите государства, расширению его границ были возложены на земледельческое население.

В стране законсервировалась паровая система земледелия, требующая минимальных затрат. Для земледельцев невыгодно было тратить материальные средства на усовершенствование системы земледелия. Труд же крестьян бесплатный и, следовательно, продукция тоже. К тому же земледelec, неуверенный в полном возмещении издержек производства, не произ-

водил и половину того, что в состоянии был сделать.

П. И. Лященко [12] отмечал, что уровень агротехники к концу XVIII века по сравнению с XV — XVII столетиями повысился незначительно, мало изменений произошло в способах обработки почвы и в усовершенствовании сельскохозяйственных орудий. Низкая культура земледелия делала невыгодными посевы пшеницы, поэтому в структуре посевных площадей преобладали малотребовательные серые хлеба. Попытки отдельных политических деятелей изменить сельскохозяйственную политику государства не привели к успеху. Так, в 1833 г. граф Н. С. Мордвинов в записке, поданной Николаю I, писал, что дворяне-землевладельцы вынуждены нести военную или гражданскую службу, а земледелие ведут в имениях малопросвещенные управляющие. После голода, поразившего в 1833 г. 29 губерний, был создан Комитет для усовершенствования земледелия в России. Но требование Н. С. Мордвинова относительно денежных ассигнований не было выполнено. Против этого возражал тогдашний министр финансов.

К середине XIX века пагубность государственной политики в отношении крестьянства стала очевидной. Основной причиной, вызвавшей необходимость реформы 1861 г., были экономические отношения помещиков и крестьян [5]. Попытки интенсифицировать труд крестьян за счет регламентации их частной жизни встречали их яростное сопротивление. Социального мира в такой обстановке быть не могло. Император Александр II вынужден был заявить: «Лучше начать уничтожать крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнет само собой уничтожаться снизу».

Реформа сыграла громадную роль в становлении самостоятельного класса земледельцев. Если до 1861 г. в центральных земледельческих областях 55,5 % земли находилось в руках дворянства, то на исходе 1877 более 58,6 % всех возделываемых площадей перешло в руки крестьянства на пра-

вах собственности или вечного пользования, а во владении дворянства находилось 29,5 % всех земель этого района [18].

Государственная политика заключалась в том, чтобы полностью освободить крестьян от власти помещиков в личном и хозяйственном отношениях [8]. Земля передавалась от класса землевладельцев в руки настоящих земледельцев. Но этот процесс был болезненным для крестьянства. За выделенную землю они должны были рассчитываться в течение почти 50 лет. Следовательно, тяготы реформы государство переложило на плечи крестьян. Вместо того чтобы вкладывать капитал в усовершенствование этой отрасли, крестьяне вынуждены были выплачивать выкупные платежи. Такая политика надолго затормозила развитие производительных сил в земледелии.

В 1872 г. в период обновления и перестройки страны вопрос об усовершенствовании земледелия вновь встал на повестку дня. Была создана комиссия под руководством графа П. А. Валуева. Основной ее задачей была выработка стратегии прогрессивных преобразований в сельском хозяйстве. Комиссия собрала обширный материал, на основе которого сделала необходимые заключения, реализация которых имела чрезвычайно большое значение для судеб страны. Но началась турецкая война, и нужды земледелия вновь были отодвинуты на второй план.

В 1888 г. под руководством сенатора фон Плеве была создана комиссия по поводу падения цен на хлеб. В ее задачу входило проектирование мер, способных предохранить земледелие от надвигающихся невзгод. Но грянули голод 1891 г., холера 1892, и деревня опять не получила желаемой помощи. Снижение цен на сельскохозяйственную продукцию при отсутствии государственной поддержки привело к упадку отрасли, несмотря на экономический расцвет страны. Доходность земледелия была незначительна, выросли недоимки, вывоз хлеба сократился. И всякий раз осуществлению коренных мер мешали какие-либо об-

стоятельства, а положение земледелия и вместе с ним страны осложнялось с каждым годом, что привело к государственной катастрофе.

К началу XX века стратегическим направлением политики государства стало стремление к расширению крестьянского землевладения путем передачи крестьянам большей части площадей, находящихся в руках государства и частных лиц. Анализируя положение страны, крупный экономист того времени В. Гурко [4] отмечал, что земледелие достигает наибольшего развития при сочетании трех его видов: мелкого трудового, среднего — фермерского и крупного, при котором возможна организация перерабатывающих предприятий. Эта гармония в стране была нарушена. В то время как во Франции владения с площадью до 10 десятин составляли 35 %, в Германии — лишь 27, в 26 центральных губерниях России к 1905 г. таких участков было 55 %. Кроме того, порядок распределения в общинах был доведен до абсурда. Вся земля делилась сначала на три поля соответственно трехпольному севообороту. Если она не отличалась по качеству, то делилась в зависимости от расстояния до усадьбы. В результате возникало множество полос, мелких делянок. В Рязанской губернии, например, ширина полос измерялась ладьями [1]. При таких наделах трудно обрабатывать почву, что влияет на урожай. Это страшное малоземелье.

Правительство пришло к пониманию, что только расширение крестьянского землевладения не может предотвратить оскудения деревни. Созрело осознание необходимости вернуться к началам, намеченным Положением от 19 февраля 1861 г., т. е. к признанию переходного значения общины и к насаждению единоличной собственности как конечной цели преобразования хозяйственного строя России. Появилась острая необходимость в предоставлении людям свободы пользования своими имущественными правами. Целью правительственной программы стало прекращение дальнейшего распыления

крестьянских наделов. Были изданы законы, предусматривающие объединение мелких делянок. С прекращением взимания выкупных платежей крестьянин стал полным собственником земли, но оставался во власти общины.

Характеризуя правительственную программу, П. А. Столыпин отмечал: «...В целях достижения возможности выхода крестьян из общины, издан закон, облегчающий переход к подворному и хуторскому владению, причем устранено всякое насилие в этом деле и отменяется лишь насильственное прикрепление крестьян к общине, уничтожается закрепощение личности, несовместимое со свободой человека и человеческого труда» [19, с. 16].

Правительственная программа предусматривала льготную продажу земледельцам казенных земель и земель, купленных Крестьянским банком, сдачу этих земель крестьянам в аренду, предоставление им кредитов, помощь в переселении на казенные земли азиатской части России, содействие разведению чересполосности наделных земель с прилегающими владениями и раздел земель общего пользования с частными владельцами.

За время реформы произошло существенное увеличение производства сельскохозяйственной продукции. Так, посевные площади за 1901 — 1913 гг. возросли на 8,4 %, а валовой сбор увеличился на 19,5 % [7]. Доля России в мировом экспорте пшеницы в 1909 — 1913 гг. составляла 24,4 %, ржи — 34,3, ячменя — 63,3, овса — 31,7, кукурузы — 11,1, льна — 52,9, масла — 27,4, яиц — 67,8 % [6]. Произошло некоторое улучшение структуры потребления. В 1906 — 1909 гг. по сравнению с 1897 — 1900 гг. произошло снижение потребления ржи на душу населения на 1,15 пуда и увеличение потребления пшеницы на 0,95 пуда, а в целом по всем культурам потребление увеличилось на 0,25 пуда на душу населения [22]. Выросли закупки сельскохозяйственных машин за рубежом. Если в 1898 — 1900 гг. их ежегодно ввозилось в среднем на 14 млн. руб., то в 1903 — 1907 — уже на 20,7 млн. руб., в 1908 —

на 25,8 млн., а в 1909 — 1910 только из Европы ее было завезено на 32,1 млн. руб. Осуществлялся переход к четырехполью и многополью.

Но коренной ошибкой правительства явилось то, что земледелие было брошено в стихию рынка без правительственной поддержки. Государство не стимулировало производителя-крестьянина. Отсюда невысокая эффективность земледелия (урожайность в пределах 7 т/га). Так как страна была крестьянской, то сельскохозяйственная продукция не находила рынка сбыта, что обуславливало низкие цены на продукты питания. Сельское хозяйство развивалось за счет мускульной силы земледельца. Зажиточные крестьяне вкладывали всю выручку в развитие хозяйства. Согласно бюджетным исследованиям, например, М. Ф. Конкин из Воеводска, имеющий 3,2 десятины земли, получал 332 руб. со всего хозяйства, а расходовал 349 руб. В. В. Овчинников, имеющий 6,1 десятины, получал 812 руб., а расходовал 942 руб. [2]. Из-за дешевизны хлеба прибавки урожая от внесения удобрений не окупали затраты на их приобретение. По этой причине они практически не применялись.

После октябрьского переворота в основу государственной политики по отношению к сельскому хозяйству был положен идеологический фактор. В директивной работе В. И. Ленина «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» эта идеологическая концепция была изложена с предельной ясностью: «Крестьянское хозяйство продолжает оставаться мелким товарным производством. Здесь мы имеем чрезвычайно широкую и имеющую очень глубокие, очень прочные корни, базу капитализма. На этой базе капитализм сохраняется и возрождается вновь — в самой ожесточенной борьбе с коммунизмом» [9, с. 274]. В работе выдвинута, а впоследствии реализована гигантская по масштабам и трагичная по содержанию идея уничтожения классов. «Чтобы уничтожить классы, — пишет Ленин, — надо... уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать всех — работниками» [9,

с. 277]. 27 марта 1921 г. в речи на Всероссийском съезде транспортных рабочих Ленин, говоря о крестьянстве, недвусмысленно заявил, что оно «...после уничтожения, изгнания помещиков и капиталистов, остается единственным классом, способным противостоять пролетариату» [10, с. 136].

В основу государственной политики была положена идея уничтожения земледельца-землевладельца, ни о какой государственной поддержке этого класса не могло быть и речи. Ссылки на то, что правительство дифференцировало свою политику в отношении крестьянства, безосновательны. Чтобы убедиться в этом, следует внимательно прочитать работы В. И. Ленина. Терминология в отношении крестьян в них очень путанна и противоречива. Например, он дает им такие определения: трудящиеся, сознательные крестьяне, рядовые крестьяне, крестьяне, эксплуатируемые крестьяне, мелкие хозяева, мелкие трудящиеся, мелкое крестьянство, деревенские богатеи, средние крестьяне. Попробуй разбери в острой политической борьбе, кто союзник пролетариата, а кто нет. А ведь работы Ленина носили директивный характер, они не были научными, теоретическими. Как ни парадоксально, но политика военного коммунизма была сознательно направлена на подавление производителя. Были разрушены крупные сельскохозяйственные предприятия, крестьянские хозяйства стали мелкими, нетоварными. Инвентарь и постройки были уничтожены. Предусматривалось даже изъятие части семенного материала. Добросовестный труд земледельца стал ненужным и даже опасным в пролетарском государстве.

Первым предвестником новой политики в отношении сельского хозяйства стала замена продразверстки продналогом. Это оказало оживляющее воздействие на сельскохозяйственное производство. Крестьянин стал лучше обрабатывать землю. Свободная торговля, возможность самому распоряжаться произведенным продуктом привели к увеличению производства продуктов земледелия. Но эти меры, по

словам Н. И. Бухарина, трактовались как уступка крестьянам, которые и на данном этапе рассматривались в качестве главного потенциального врага социалистического государства.

В. И. Ленин в своей последней работе «О кооперации» полностью отказался от прежних взглядов по отношению к земледельцу. Он пришел к выводу, что всякий мелкий крестьянин мог участвовать в построении социализма [11]. Но эта точка зрения не повлияла на формирование государственной политики в отношении крестьянства.

Показательна позиция крупного партийного и государственного деятеля, соратника В. И. Ленина Е. А. Преображенского. Его концепция «первоначального социалистического накопления» предусматривала концентрацию в руках государства материальных ресурсов из источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства [14]. Он хотел видеть Россию мощной, индустриальной державой. Но средств не хватало. Поэтому он полагал необходимым перекачивать средства из «досоциалистических форм», в основном за счет крестьянских хозяйств. Е. А. Преображенский [15] полагал, что обложение несоциалистических форм не только неизбежно в период первоначального социалистического накопления, но оно должно получить огромную, решающую роль в таких крестьянских странах, как наша. Мысль о том, что социалистическое хозяйство может развиваться само, не привлекая ресурсов мелкобуржуазного, в том числе крестьянского, хозяйства, по его мнению, является мелкобуржуазной утопией.

Е. А. Преображенский задается вопросом, возможен ли вообще эквивалентный обмен между государственным социалистическим хозяйством и несоциалистической средой, т. е. в основном мелким крестьянством. На этот вопрос он дает отрицательный ответ.

Следовательно, суть государственной политики, сформулированная Е. А. Преображенским, заключается в том, что промышленность социалисти-

ческого режима эксплуатирует мелкое крестьянство с целью первоначального социалистического накопления путем неэквивалентного обмена, политики высоких цен, грабежа мелкого производства, внеэкономического давления на него с последующим разрушением и «пожиранием» мелкого крестьянства и замещением собственным земледелием.

Н. Д. Кондратьев отмечал, что главной характеристикой момента является то, что чудовищно возросло несоответствие цен на промышленные и сельскохозяйственные продукты [6]. Если принять отношение индекса основного товарного продукта сельского хозяйства к индексу покупаемых промышленных товаров в 1913 г. за 100, то для картофеля в 1926 — 1927 гг. оно составляло 60 — 70, молока — 64 — 75, пшеницы — 52 — 61, льна — 52 — 64. Если в 1913 г. для покупки плуга крестьянин продавал 20 пудов зерна, то в 1923 г. — 150, приобретение косилки обходилось соответственно в 150 и 847 пудов, жнейки — в 120 и 704.

Промышленность благодаря ценовым «ножницам», отмечал А. И. Рыков [16], не может принимать участия в восстановлении крестьянского хозяйства. Вместе с тем официальная печать пестрит высказываниями об огромной помощи сельскому хозяйству. Действительно, с 1953 по 1990 г. в АПК вложено 610 млрд руб. По этому поводу Е. С. Строев [21] пишет, что под громкие фразы о подъеме села проводилась по сути колониальная политика. Одной рукой государство выделяло средства, а другой тут же отбирало.

Вся история советского периода — это история чудовищного невнимания к проблемам земледельца. Многомиллионное сельское население с 1930 по 1953 г. работало, по существу, бесплатно. Шло систематическое разорение сельского населения за счет неэквивалентного обмена между городом и селом. Расходы на индустриализацию, послевоенное восстановление хозяйства были возложены на крестьян. Только в 1982 г. был достигнут ценовой паритет между городом и селом. Но

вскоре он снова нарушился. Тяготы перестройки тяжелым бременем легли на плечи сельского населения. Из-за неэквивалентного обмена в 1990 г. государство изъяло у села 9 млрд руб. К настоящему времени эта сумма многократно увеличилась.

В программе правительства Мордовской республики, как, впрочем, и в Российской программе, отсутствует четкая концепция государственной политики в отношении сельского хозяйства. Как и в прошлые годы, деньги расходуются на мифические программы вроде мелиорации, химизации и списываются на сельское хозяйство. Отсюда нищета, отсутствие прогрессивных технологий у производителей. Закона о поддержке сельского хозяйства в стране нет, и он не разрабатывается. Сегодня, как и в начале столетия, из-за дешевизны сельскохозяйственных продуктов новые технологии стали невыгодны, производство продуктов питания сделалось убыточным. Земельная реформа не снимает остроты вопроса, она только усугубляет положение.

Сегодня, как и в 1917 г., в государственной сельскохозяйственной политике ощущается идеологический привкус. В свое время П. С. Столыпин отношение к сельскому хозяйству выразил однозначно: «Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна» [20, с. 38]. Так же терпимо следовало бы относиться к организационной структуре нынешнего сельского хозяйства.

Если во всех развитых странах снижение фермерских доходов происходит из-за увеличения предложения сельскохозяйственных продуктов по сравнению со спросом, то у нас — в результате ценовой политики. Причина заключается в том, что непосредственный производитель не заинтересован в производстве дешевой сельскохозяйственной продукции, он не получает те огромные вложения, которые выделялись сельскому хозяйству. Одна из особенностей этой политики заключалась в том, что лучшие произведе-

ли были предоставлены сами себе, а нерадивые получали дотации. Получалось, что чем больше производитель затрачивал ресурсов, тем больше он имел помощь от государства.

Сегодня необходим обстоятельный Закон о поддержке сельского хозяйства. Он должен включать следующие элементы:

а) проблема цен, доходов и объемов производства для сельского производителя;

б) охрана и правильное использование почв и водных ресурсов;

в) сельскохозяйственные научные исследования;

г) кредиты для производителей.

Но главной в государственной политике является проблема цен и доходов. Закон о поддержке сельского хозяйства должен определить концепцию паритета как основу сельскохозяйственной политики. Обоснование этого легко может быть представлено в реальном и номинальном выражении.

В реальном выражении паритет обозначает, что каждый год данный объем производства сельскохозяйственных продуктов позволяет производителю получать определенное количество товаров и услуг. Определенный реальный объем производства должен всегда обеспечивать один и тот же реальный доход. Если в 1985 г. земледелец, продав 1 л молока, мог купить 1,5 л бензина, то и сегодня, продав 1 л молока, он должен иметь возможность приобрести 1,5 л бензина. Но, к сожалению, цены складываются не в пользу земледельца.

В номинальном выражении концепция паритета предусматривает соотношение цен между сельскохозяйственной продукцией и потребляемыми ее производителями товарами и услугами. Это соотношение должно быть постоянным. Концепция паритетных цен означает, что если промышленные товары и услуги возросли, например, в 100 раз, то цены на зерно должны возрасти тоже в 100 раз.

Макконелл Кэмпбелл Р. и Брю Стэнли Л. [13] отмечают, что рыночные це-

ны на продукцию фермеров, как правило, отстают от цен на товары, приобретаемые ими, следовательно, для достижения паритета или приближения к нему правительству, по всей видимости, необходимо установить на фермерские продукты «поддерживаемые» цены.

Естественно, производители сельскохозяйственной продукции выигрывают от поддержания паритета цен. Валовые доходы повышаются с уровня, характерного для свободного рынка, до поддерживаемого уровня. По данным американских авторов, федеральные расходы с 1981 по 1985 г. на программы по поддержанию цен на

продукты фермеров и их доходов составили приблизительно 60 млрд дол. В 1987 г. они достигли 17 млрд дол. [13].

В нашей стране все делается наоборот. Продукция закупается по цене ниже себестоимости, а в этом случае не может быть и речи о новых технологиях, технических усовершенствованиях.

С развитием фермерского хозяйства необходимость государственной поддержки в отношении производителя-земледельца возрастает. Без такой поддержки государство разорит и колхоз, и совхоз, и ассоциацию, и фермера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бехтеев С. Хозяйственные итоги истекшего сорокалетия: В 2 т. СПб., 1906. Т. 2. 349 с.

2. Бюджетное исследование крестьянского хозяйства / Пенз. губ. стат. бюро, Пенза, 1923. Ч. 3, вып. 1. 121 с.

3. Горсей Дж. Записки о России. XVI — начало XVII в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. 288 с.

4. Гурко В. Наше государственное и народное хозяйство. СПб., 1909. 243 с.

5. Игнатович И. Борьба крестьян за свое освобождение // Освобождение крестьян. СПб., 1911. С. 13 — 68.

6. Кондратьев Н. Д. К вопросу об особенностях условий развития сельского хозяйства СССР и их значение // Известия ЦК КПСС. М., 1989, Вып. 7. С. 187 — 214.

7. Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991. 487 с.

8. Крестьянская реформа и аграрный вопрос // Освобождение крестьян. СПб., 1911. С. 239 — 275.

9. Ленин В. И. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 271 — 282.

10. Ленин В. И. Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих // Полн. собр. соч. Т. 43. С. 130 — 144.

11. Ленин В. И. О кооперации // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 369 — 377.

12. Лященко П. И. Крестьянское сельское хо-

зяйство в XVIII веке // Исторические записки. М., 1945. Вып. 15. С. 97 — 127.

13. Макконелл Кэмпбелл Р., Брю Стенли Л. Экономика, принципы, проблемы и политика: В 2 т. М.: Республика, 1992. Т. 2. 400 с.

14. Преображенский Е. А. Основной закон социалистического накопления // Востн. ком. акад. 1924. Вып. 8. С. 54.

15. Преображенский Е. А., Бухарин Н. И. Пути развития: дискуссия 20-х годов. Л.: Лениздат, 1990. 254 с.

16. Рыков А. И. Кризис и регулирование цен // Избр. произвед. М., 1990. С. 248 — 252.

17. Самоквасов Д. Я. Крестьяне древней России по вновь открытым документам. М.: Тип. Импер. Моск. ун-та, 1909. 141 с.

18. Статистика поземельной собственности населенных мест Европейской России. СПб.: Изд. Центр, стат. комитета, 1880. Вып. 1. 276 с.

19. Столыпин П. А. Выступление на второй Государственной думе 6.03.07 // Сб. речей Петра Аркадьевича Столыпина в заседаниях Государственного совета и Государственной думы (1906 — 1911). СПб.: Изд. В. В. Логачева, 1911. С. 12 — 23.

20. Столыпин П. А. Декларация правительства по аграрному вопросу: Заседание Гос. думы 10.04.07 // Там же. С. 32 — 40.

21. Строев Е. С. Крестьянин — это образ жизни // Правда, 1990. 22 мая.

22. Фини-Енатовский А. Современное хозяйство России (1890 — 1910 гг.). СПб.: Изд. М. И. Семенова, 1911. 527 с.

ХРОНИКА, РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

ПО СТРАНИЦАМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ БАХТИНИАНЫ (ОБЗОР)

Н. Л. ВАСИЛЬЕВ, кандидат филологических наук

1990-е годы ознаменовались появлением сразу нескольких коллективных исследований творчества М. М. Бахтина и его вклада в мировую духовную культуру, что свидетельствует о некотором выравнивании в активности изучения наследия ученого за рубежом¹ и в нашей стране.

В Москве начал издаваться периодический «Бахтинский сборник», редакторами которого являются известный советский бахтинист В. Л. Махлин и американский славист Д. Куюнджич. Появившийся недавно второй выпуск этого сборника (его тираж, кстати говоря, вышел в Саранске) впечатляет своей содержательностью, высокой научной и издательской культурой. Среди авторов — ученые не только СНГ, но и Европы, США (подобное интеграционное сотрудничество представляется весьма перспективным и симптоматичным).

В Витебске, где некоторое время жил и работал Бахтин, появился первый номер специального журнала, посвященного бахтинской тематике (биографии, наследию ученого, его эпохе): «Диалог. Карнавал. Хронотоп» (гл. ред. Н. А. Паньков; один из учредителей — Витебский пединститут). Это периодическое издание по-своему уникально: до сих пор в нашей стране, кажется, не было журнала, ставившего целью исследовать не конкретные воп-

росы той или иной науки или даже научные направления, а, по существу, персональный «культурный слой». (Однако многогранность творчества Бахтина оправдывает подобный комплексно-специализированный подход в его изучении.) На страницах журнала представлены теоретические исследования, документы, воспоминания, научные обзоры и рецензии, касающиеся указанной проблематики.

В Санкт-Петербурге — городе, который как никакой другой причастен к формированию исследовательских интересов Бахтина, в 1991 г. вышел сборник «М. Бахтин и философская культура XX века» (отв. ред. К. Г. Исупов), тоже задуманный как периодическое научное издание. Здесь помещены разнообразные материалы о жизни, творчестве, идеях ученого.

С бахтинской тематикой связан и межвузовский сборник «Хронотоп» (ред. Н. А. Горбанев), выпущенный в 1990 г. Дагестанским университетом.

Коллективная монография, посвященная философской стороне наследия и личности, научному методу Бахтина («М. М. Бахтин как философ»), вышла в минувшем году в академическом издательстве «Наука». Свидетельством интереса отечественных философов к трудам и идеям ученого является и книга В. С. Библера «М. М. Бахтин, или Поэтика культуры» (М., 1991).

Появились и исследования частных вопросов бахтинистики: «Михаил Бахтин: Философия поступка» (М., 1990) В. Л. Махлина, «Риторика поступка

¹ См. обстоятельный анализ состояния и тенденций современного зарубежного бахтиноведения в брошюре О. Е. Осерского «Научное наследие М. М. Бахтина и гуманитарная мысль Запада сегодня» (М., 1991).

М. Бахтина: Воспоминания о будущем или предсказания прошедшего?» (М., 1991) В. Л. Махлина, А. Е. Махова, И. В. Пешкова и др., — вышедшие в издательстве «Знание».

Таким образом, «география», проблемная широта изучения творчества М. М. Бахтина за последнее время в нашей стране заметно расширились.

Лидером же отечественного бахтиноведения, пожалуй, по-прежнему остается Саранск (здесь были опубликованы первые межвузовские сборники, посвященные наследию ученого, библиографический указатель, архивные документы и другие материалы, связанные с его именем; возникли идеи Бахтинских чтений и Бахтинского общества), что вполне естественно, учитывая продолжительность работы ученого в вузах столицы Мордовии и огромное количество учеников, коллег, сохранивших о нем благодарную память. Поэтому имена саранских исследователей (С. С. Конкин, О. Е. Осовский, В. М. Борискин, В. И. Лаптин, О. В. Брейкин, Г. В. Карпунов,

В. Б. Естифеева и др.) по праву нашли место на страницах указанных выше изданий. Главное же — в минувшем году Мордовский университет выпустил сразу три (!) межвузовских сборника исследований, посвященных его наследию: «М. М. Бахтин: Проблемы научного наследия» (отв. ред. С. С. Конкин), «Философия М. М. Бахтина и этика современного мира» (отв. ред. Р. И. Александрова и О. В. Брейкин) и «М. М. Бахтин: Эстетическое наследие и современность» (отв. ред. А. Ф. Еремеев). Думается, научная общественность в скором времени даст детальную рецензионную оценку упомянутых изданий.

В Мордовском книжном издательстве готовится к выходу в свет и первая в нашей стране книга о жизни и творческом пути исследователя, написанная профессором С. С. Конкиным. Ее появление ожидается с большим интересом и, несомненно, явится этапом в развитии отечественного бахтиноведения и стимулом для дальнейших работ в этом плане.

LX

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ДОРОГИЕ ЮНОШИ И ДЕВУШКИ!

Если вы хотите получить диплом, свидетельствующий о приобретении вами интеллектуальной профессии, то поступайте в Мордовский ордена Дружбы народов государственный университет имени Н. П. Огарева. Здесь объявлен прием студентов на 1993/94 учебный год. Вас ожидает интересная учеба по основам экономических знаний, социологии и политологии, математике и физике, медицине, техническим и сельскохозяйственным специальностям.

Поступающие в вуз сдают три профильных (конкурсных) вступительных экзамена в зависимости от избранной специальности. Все экзамены проводятся по программе средней общеобразовательной школы.

По всем вопросам поступления в университет следует обращаться в приемную комиссию по адресу: 430000, Мордовская ССР, г. Саранск, ул. Большевикская, 68. Университет. Корпус 1, комната 208. Телефон: 9-97-52.